

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 22

НОЯБРЬ

1926 г.

Содержаніе:

	Стр.
Приключенія маленькаго вора. Разсказъ С. Аничковой	97
Стихотвореніе Виталія Вячеславскаго . .	103
Золотой драконъ. Разсказъ К. Нормана .	104
Дикіе звѣри въ кинематографѣ. Очерки И. Дельмонта:	
Человѣкъ и звѣрь	107
Левъ кино-артистъ	109
Изъ книги природы:	
Зимнія насѣкомыя	112
Могутъ ли птицы считать?	113
Перепелочка. Разсказъ Евгенія Елачича .	114
Изъ исторіи Земли. Очеркъ Л. Гданскаго.	115
Фотографъ-любитель:	
Позитивный процессъ	118
Выставка и конкурсъ фото-картинъ и дѣт- скихъ рисунковъ	119
Бой-скаутъ:	
8-ая русская стая волчатъ въ Ригѣ . . .	121
Плащъ скаутмастера. (Изъ разсказовъ у костра.)	122
Городокъ лилипутовъ	124
Спортъ:	
На лыжахъ съ парусомъ	126
Юморъ:	
Война въ джунгляхъ	127
Конкурсъ задачъ	128
Объявленія	

Приложеніе: Сѣрый домикъ, романъ
Л. Кормчаго, листъ 10-ый.

Разсказъ С. Аничковой.

I.

Володя возвращался изъ школы въ очень дурномъ настроеніи. Тихонько, едва передвигая ноги, шелъ онъ домой, зная по горькому опыту, что тамъ ему сегодня «попадетъ» отъ отца за плохую отмѣтку.

Впрочемъ, его огорчало не то, что онъ лишній разъ услышитъ обращенное къ нему слово «лѣнтяй»; онъ такъ привыкъ къ этой обидной кличкѣ и дома, и въ школѣ, какъ будто она была его собственнымъ именемъ.

Печальнѣе было, что неуспѣхъ въ наукахъ грозилъ ему лишеніемъ обѣщанныхъ отцомъ трехъ рублей, а это значило остаться на предстоящія каникулы безъ удочки и другихъ рыболовныхъ принадлежностей.

Володя лѣниво брелъ къ дому, когда вдругъ увидѣлъ, что изъ воротъ деревяннаго домика выбѣжалъ бѣдно одѣтый мальчикъ и направился въ ту сторону, куда шелъ и Володя.

— Ванька... Куда это онъ такъ? — заинтересовался Володя.

Ванька былъ сыномъ прачки и его товарищемъ по школѣ, несимпатичнымъ Володѣ лишь потому, что хорошо учился и служилъ живымъ укоромъ его лѣности.

— Какъ это ему не скучно цѣлыми часами долбить? — не разъ дивился Володя.

Однако, сейчасъ, чтобы отвлечься отъ неприятныхъ мыслей, онъ радъ былъ даже этой встрѣчѣ и уже хотѣлъ окликнуть бѣгущаго, когда

замѣтилъ, что тотъ уронилъ какую-то вещь.

Что-то будто подтолкнуло Володю: онъ быстро направился къ потерянному Ванькой предмету; это былъ засаленный, видывавшій на своемъ вѣку виды, кошелекъ.

У Володи захватило духъ. Одно мгновеніе онъ стоялъ какъ бы колеблясь и обдумывая, а затѣмъ, быстро схвативъ находку, юркнулъ въ подворотню сосѣдняго дома, раскрылъ тамъ кошелекъ и высыпалъ на ладонь находившіяся въ немъ деньги.

— Два рубля пятьдесятъ три копейки, — пересчиталъ онъ.

Почти та сумма, которая необходима ему для покупки удочки, крючковъ и книги «Искусство ловить рыбу».

Радость наполнила сердце Володи, а звучащій въ душѣ голосъ совѣсти, робко напоминающій, что не отдать денегъ, да притомъ еще, почти нищему Ванькѣ, все равно, что украсть ихъ, — онъ постарался заглушить мыслью о предстоящемъ удовольствіи.

Торопливо спрятавъ кошелекъ на груди, онъ вышелъ изъ подворотни и направился вслѣдъ за Ванькой.

«Пожалуй, лучше пока спрятаться, а то еще увидитъ меня и догадается», мелькнула въ умѣ трусливая мысль, но было уже поздно... Ванька остановился и, быстро обыскавъ себя, повернулъ обратно.

Встрѣтившись лицомъ къ лицу съ мальчикомъ, Володя почувствовалъ себя, какъ преступникъ, прячущій на груди улики только что совершеннаго преступленія.

Сердце его замерло, а въ головѣ какой-то молоточекъ быстро выстукивалъ:

«Только бы не догадался, только бы не догадался»... и чуть дрогнувшимъ голосомъ онъ спросилъ:

— Что это ты ищешь?

— Деньги потерялъ... Мамка за провизіей послала... а я... потерялъ... — всхлипнулъ Ванька, и изъ его черныхъ глазъ такъ и брызнули слезы.

На одно мгновеніе Володѣ стало мучительно стыдно за свой поступокъ передъ этимъ худенькимъ, плачущимъ мальчикомъ. Рука невольно потянулась къ притаившемуся на груди кошельку, но мысль объ удочкѣ снова удержала его, и онъ рѣшительнѣе сказалъ:

— Тутъ сейчасъ прошелъ какой-то... въ подворотню... ты пойди, можешь онъ и взять...

Огорченный Ванька, не замѣтивъ смущенія товарища, побѣждалъ въ ворота, а Володя направился домой, побѣждая въ душѣ чувство раскаянія грезами объ удовольствіяхъ рыбной ловли.

II.

Весенній, радостный, сверкающій день.

Володя сидитъ у рѣки на большомъ, обточенномъ половодьями камнѣ и, забросивъ въ воду удочку, долгими часами ждетъ, когда крошечный окунекъ, или другая мелкая рыбешка, не удержавшись отъ соблазна полакомиться жирнымъ червякомъ, попадетъ на острый, рвущій ея тѣло, крючокъ.

Но Володя не думаетъ о тѣхъ мукахъ, которыя причиняетъ для своего удовольствія рыбѣ и червяку, давно забытъ, какой цѣной приобрѣлъ удочку, и какъ Ваньку выпоротъ отецъ, рѣшивъ, что онъ присвоилъ себѣ деньги.

Мысль объ этомъ не беспокоитъ уже Володю, тѣмъ болѣе, что не успѣвъ въ наукахъ заставить отца взять его изъ школы, весной уѣхали въ деревню, и новыя впечатлѣнія совершенно стерли съ души не-

пріятныя воспоминанія о некрасивомъ поступкѣ.

Сейчасъ, въ стоящемъ на камнѣ ведеркѣ, уже плавало нѣсколько окуней, и, въ ожиданіи болѣе крупнаго улова, Володя сидѣлъ неподвижно, погруженный въ воспоминанія о томъ, что ему вчера рассказывалъ занимающійся съ нимъ, тѣмъ учитель Иванъ Ивановичъ.

А тотъ говорилъ много страннаго и любопытнаго.

Во-первыхъ, онъ рассказывалъ, что на свѣтѣ, много вѣковъ назадъ, жилъ мудрецъ, проповѣдывавшій, что душа человѣка, покидая его тѣло въ моментъ смерти, переселяется въ рождающагося въ то же время младенца, жизнь котораго будетъ счастливой или несчастной, въ зависимости отъ того, дурная или хорошая душа войдетъ въ его тѣло.

А чтобы Володя нагляднѣе понять рассказъ, Иванъ Ивановичъ взялъ для примѣра его самого.

— Вотъ, — сказалъ онъ, — представь себѣ, что ты живешь уже не первый разъ. Душа твоя вошла въ это новое тѣло, когда умеръ какой-то другой человѣкъ. Если онъ при своей жизни не дѣлалъ ничего худого, ты будешь жить счастливо. Если же онъ былъ дурнымъ человекомъ, то его душа, находящаяся въ твоёмъ тѣлѣ, должна отвѣтить за свои прежніе проступки, ибо несправедливымъ поступкомъ она нарушила міровое равновѣсіе, которое должно возстановиться.

И снова для примѣра Иванъ Ивановичъ взялъ доску, положилъ ее на большой камень и покачнулъ.

— Видишь, — сказалъ онъ, — я наклонилъ ее своимъ движеніемъ въ одну сторону, чтобы возстановилось равновѣсіе; она уже сама, помимо моей воли, наклоняется въ другую. Это міровой законъ, и нарушившій его всегда бываетъ наказанъ.

— А почему же, — спросилъ Володя, — нѣкоторые люди, вотъ хоть бы убійцы, которые не попались, остаются безнаказанными?

— Если они не наказаны сейчасъ послѣ убійства, то непременно от-

вѣтять за него потомъ. Если убійца не пострадалъ за проступокъ до своей смерти, то будетъ наказанъ тогда, когда душа перейдетъ изъ его тѣла въ другое, то-есть, при своей слѣдующей земной жизни. Вотъ смыслъ ученія древняго мудреца, котораго звали Буддой.

Хотя Володя и не совсѣмъ хорошо понялъ то, что говорилъ учитель, однако бесѣда сильно подѣйствовала на него. Конечно, Володя зналъ изъ Закона Божія достаточно, чтобы не очень-то вѣрить этому ученію. Но и батюшка, преподававшій Законъ Божій, говорилъ всегда, что Господь караетъ преступленія даже тогда, когда преступникъ избѣжитъ суда земного. Не все ли равно, кто и какъ накажетъ?

Мысль о перевоплощеніяхъ души опять захватила Володю. Онъ задумался о томъ, за что ему пришлось бы отвѣтить въ будущихъ жизняхъ.

Одинъ разъ, вмѣстѣ съ товарищемъ Колей, онъ отнялъ у маленькаго трехлѣтняго Миши яблоко, тотъ разревѣлся, а прибѣжавшая на его крики мать, не зная причины слезъ, отшлепала мальчика. Такимъ образомъ, хотя они и повредили другому, поступокъ ихъ остался безнаказаннымъ.

Еще: учителю арифметики, съ тѣмъ же Колей, вымазали смолой фуражку. Немножко, конечно, чтобы не замѣтилъ, а все-таки волосы испачкались.

Потомъ?... младшую сестренку Олечку всегда во время ссоры называлъ дурой... Ну, это, можетъ быть, и не проступокъ, такъ какъ она, и правда, глупая дѣвчонка...

— Что же еще? Будто и все...

— Нѣтъ! Есть еще, пожалуй, самое худшее изъ всего, что сдѣлалъ онъ за свою долгую двѣнадцатилѣтнюю жизнь...

О, въ эту минуту Володя почувствовалъ себя очень нехорошо.

Передъ глазами его живо воскресла картина прошлаго: бѣгуцій Ванька, потерянный коншелекъ, его находка и скрытыя деньги.

— Вотъ вѣдь и эта удочка, и книга

«Искусство ловить рыбу» куплены на нихъ, да еще тогда онъ зашелъ въ булочную и съѣлъ четыре пирожныхъ, а послѣ, дома, солгалъ, будто все купленное подарилъ ему товарищъ.

И вотъ, до сихъ поръ нарушенное равновѣсіе не восстановлено; то-есть, за свой нехорошій, повредившій другому поступокъ онъ еще не наказанъ.

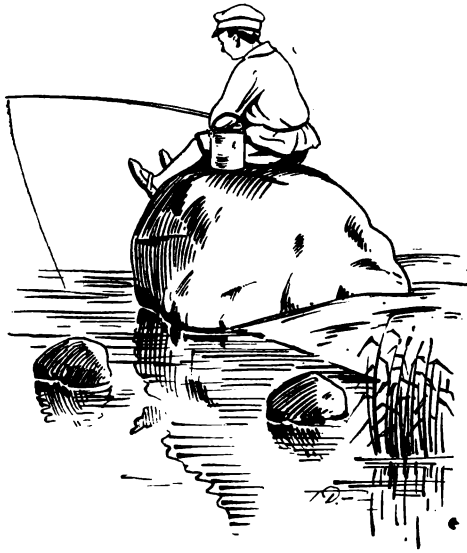
Отъ этой безнаказанности Володѣ стало вдругъ необычайно весело и приятно.

Вѣдь жить ему еще придется долго, долго; вонъ — бабушка, папина мама, до девяноста лѣтъ прожила, — а что будетъ послѣ смерти, если даже и правда, что разсказывалъ Иванъ Ивановичъ, то это еще не такъ скоро... До тѣхъ поръ сколько рыбы можно наловить еще да пирожныхъ и конфетъ съѣсть, и мало ли какихъ удовольствій получить...

И какъ бы въ подтвержденіе его мыслямъ, удочку въ этотъ моментъ стало тянуть книзу что-то тяжелое, сильное. Володя торопливо дернуть ее къ себѣ и вытащилъ большую, красивую рыбу, такую, какой онъ никогда раньше не видалъ: золоти-стую, съ черными полосками. Удача привела его въ лучшее настроеніе, и онъ, устроивъ пойманную красотку въ ведерко вмѣстѣ съ товарищами по несчастью, взялъ удочку и направился домой.

Село, въ которомъ онъ проводитъ съ родителями лѣто, было въ верстѣ отъ рѣки. Дорога шла густымъ болотистымъ лѣсомъ, но, такъ какъ солнце уже закатывалось, Володя рѣшилъ сократить путь и, свернувъ съ тропинки, пошелъ наискось.

Весело посвистывая, онъ ловко перескакивалъ черезъ наполненные водой углубленія между кочками, заранѣе предвкушая, какой эффектъ произведетъ среди домашнихъ пойманная имъ рыба. Однако вмѣсто того, чтобы черезъ полчаса вывести его къ проѣзжей дорогѣ, лѣсъ съ каждой минутой становился все гуще и гуще, и скоро мальчикъ понялъ, что заблудился.

Володя сидитъ у рѣки на большомъ камнѣ...

Володя не былъ трусливъ, но, зная изъ разсказовъ мѣстныхъ крестьянъ, что лѣсъ этотъ имѣетъ почти сто верстъ въ окружности, онъ вспомнилъ и о его бездонныхъ, покрытыхъ изумрудно-зеленой травой болотахъ, засасывающихъ неосторожныхъ путниковъ. Володя встревожился не на шутку; къ тому же, послѣ заката солнца, стало быстро темнѣть, и слабый свѣтъ уходящаго дня рисовалъ подъ деревьями жуткія, фантастическія тѣни.

— Какъ быть? Куда повернуть, чтобы не сдѣлать новой ошибки? Въ какой сторонѣ село, и почему не слышно даже благовѣста деревенской церковки, когда сегодня суббота и тамъ должна быть всенощная?...

На всѣ эти вопросы Володя не могъ найти отвѣта и, послѣ минуты раздумья, рѣшилъ идти обратно той же дорогой, которой пришелъ отъ рѣки.

Увы! Прошло полчаса, и онъ замѣтилъ, что снова сбился съ пути. Мало того, окружающая его растительность такъ быстро мѣняла характеръ, какъ будто каждый сдѣланный имъ шагъ равнялся сотнямъ верстъ.

Развѣсистыя, лапчатые ели, береза и мхи смѣнились сосной и пе-

сками, въ которыхъ тонули усталыя ноги мальчика, затѣмъ появились дубъ и кленъ, потомъ кипарисъ, лимонныя и кедровыя деревья и, наконецъ, густыя заросли пальмъ, лианъ и другихъ свойственныхъ крайнимъ тропикамъ растений.

Дальше передъ нимъ, точно изъ-подъ земли, выросли стѣны еще никогда невиданныхъ имъ деревьевъ и кустовъ, и такъ до тѣхъ поръ, пока ночь не опустила на нихъ такой непроницаемой, черной завѣсы, что Володя вынужденъ былъ идти уже наугадъ.

Поминутно спотыкаясь о кочки и лужи, съ расцарапанными о сучья лицомъ и руками, съ порванной курткой, онъ отъ усталости уже потерялъ способность разбираться не только въ мѣстности, но и во времени, и шелъ какъ заведенный автоматъ, не ощущая даже страха, увлекаемый впередъ лишь инстинктивнымъ желаніемъ поскорѣе выбраться изъ этого заколдованнаго лѣса.

И вдругъ, когда онъ уже окончательно потерялъ надежду на возможность найти дорогу, передъ его усталыми глазами мелькнули блѣдныя, голубоватые огоньки...

«Костеръ», подумалъ обрадованный мальчикъ. «Навѣрно, костеръ и пастухи съ лошадьми».

Ободренный близостью людей, онъ быстро направился къ огонькамъ, но не успѣлъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ почувствовалъ, что изъ-подъ ногъ его уходитъ земля, что какая-то невидимая, стихійная сила медленно, но неудержимо тянетъ его внизъ.

«Трясина», мелькнула страшная мысль въ угасающемъ сознаніи Володи, и, инстинктивно взмахнувъ руками, чтобы выкарабкаться, онъ выронилъ изъ онѣмѣвшихъ пальцевъ удочку и ведро.

III.

Отмахнувшись отъ назойливой мухи и поморщившись отъ бьющихъ прямо въ лицо острыхъ солнечныхъ

лучей, Володя потянулся и открылъ глаза.

— Что за чудо?... Гдѣ это онъ?... Гдѣ густая стѣна деревьевъ, кочки, непроглядная ночная тьма и... страшная трясина?

Въ высокія, готическія окна зала смотреть, веселый, солнечный день; въ углу, у кровати, стоитъ удочка и ведро съ плещущимися въ немъ окунями и красивой рыбой; а на разрисованныхъ эпизодами какихъ-то битвъ стѣнахъ, такъ странно, не гармонируя со сказочной обстановкой комнаты, размѣщены рамы, за стеклами которыхъ видны коллекціи бабочекъ и засушенныхъ растений.

Совеѣмъ, какъ у перваго ученика школы, Сени Темякина... — Но гдѣ же онъ и какъ сюда попалъ?

Желая выяснитъ этотъ вопросъ, Володя хотѣлъ уже вскочить съ постели, какъ вдругъ массивныя золоченныя двери зала распахнулись, и въ комнату вбѣжали три мальчика его возраста. На нихъ были надеты короткія, гимнастическія трико, на головахъ — блестящіе металлическихъ шлемы съ какими-то странными фонарями на лбу; у кистей рукъ и ступней ногъ виднѣлись широкіе, металлическихъ браслеты, къ которымъ, отъ прикрѣпленнаго къ спинѣ аппарата, со сложенными по сторонамъ его серебристыми крыльями, шли тонкіе, металлическихъ шнуры.

Позвякивая похожими на шпоры, острыми кинжалами ножныхъ браслетовъ, мальчики выстроились передъ Володей по-военному, и одинъ изъ нихъ, котораго Володя за вьющіеся волосы прозвалъ «Курчавымъ», отрапортовалъ:

— Ивановъ, сегодня въ ночь республика лѣнивыхъ совершила разбойное нападеніе на расположенныя у границы республики прилежныхъ провіантныя и авіаціонныя склады. Коварное нападеніе врага по дерзости напоминаетъ намъ бывшее годъ назадъ, въ 2001 г., когда эти бездѣльники обезпечили себя плодами нашихъ трудовъ почти до нынѣшняго дня.

Сейчасъ начальникъ расположенныхъ на границѣ войскъ прислалъ тебѣ докладъ о происшедшемъ, а также приказъ о нашемъ отлетѣ на развѣдку въ непріятельскую страну. На послѣднемъ требуется только твоя подпись.

Володя не понималъ ровно ничего, но слова мальчиковъ и ихъ почтительная поза указали ему, что онъ въ республикѣ прилежныхъ занимается, повидимому, постъ главнокомандующаго, т. е. является важнымъ лицомъ, и что Иванъ Ивановичъ былъ правъ, говоря о перевоплощеніи: очевидно, прежній Володя, родившійся 90 лѣтъ назадъ, умеръ 77 лѣтъ, а душа его перешла въ рождавшагося въ моментъ его смерти младенца, которому теперь тринадцатый годъ.

Чтобы окончательно убѣдиться въ справедливости своего предположенія, Володя взглянулъ въ стоящее напротивъ зеркало, гдѣ отразился сидящій на кровати мальчикъ. Послѣдній имѣлъ большое сходство съ прежнимъ Володей, но только родственное — не больше. Этотъ былъ выше ростомъ, и носъ у него былъ такой, о какомъ всегда мечтавъ курносый Володя: римскій, съ горбинкой, и волосы были не красно-рыжіе, какъ у Володи, а золотистые.

Словомъ, его новое тѣло было гораздо красивѣе прежняго, и, оставшись довольнымъ своей наружностью и положеніемъ, мальчикъ сообразилъ, что ему невыгодно посвящать товарищей въ тайну своего перевоплощенія, тѣмъ болѣе, что пребываніе въ республикѣ прилежныхъ уже достаточно ясно указывало на то, что и учился онъ теперь совѣмъ иначе, чѣмъ прежде.

Прочитавъ поданныя ему бумаги, Володя подписалъ приказъ. Въ былое время написанное имъ всегда походило на какіе-то китайскіе іероглифы и помня это, онъ очень тщательно вывелъ буквы своей фамиліи. Надпись вышла бы вполнѣ приличной, если бы не досадная клякса, которую онъ сдѣлалъ, же-

лая расчеркнуться (какъ директоръ школы) завитушкой.

Послѣ этого Володя быстро одѣлся въ поданное ему Курчавымъ трико и съ важностью произнесъ:

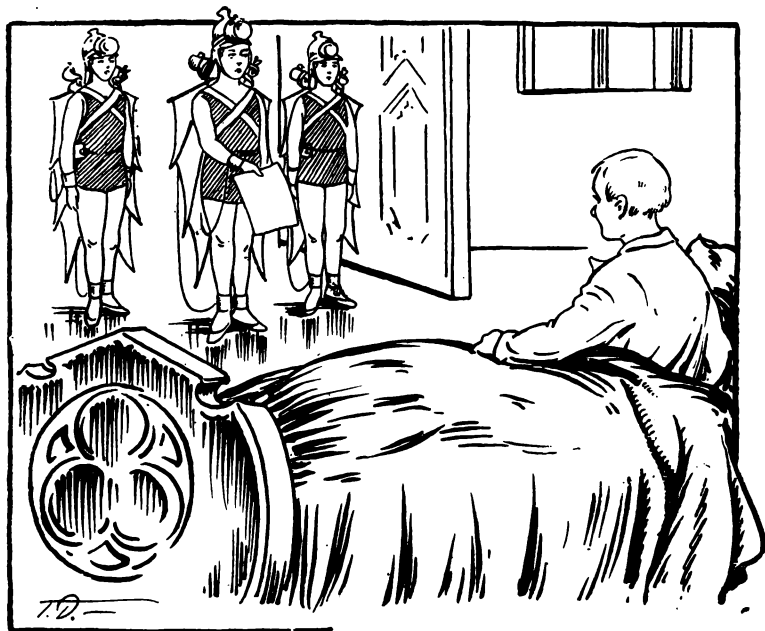
— Я желаю лично принять участіе въ развѣдкѣ, а также присутствовать при сраженіи съ лѣнными. Мы отучимъ этихъ дармоѣдовъ (это слово Володя заимствовалъ отъ папы, который называлъ его такъ за нежеланіе учиться) пользоваться нашими трудами. Пусть погибнутъ, если не хотятъ работать.

И захвативъ на всякій случай

мнительно знакомымъ и напоминало ему о чемъ-то неприятномъ.

О чемъ? онъ такъ и не могъ вспомнить.

— Намъ придется сегодня быть очень осторожными при полетѣ, — сказалъ между тѣмъ Курчавый, прикрѣпляя къ спинѣ Володи такой же аппаратъ съ крыльями и браслетами, какой видѣлся и на нихъ. — Овладевъ нашими авіаціонными складами, лѣнныя, навѣрно, рыщутъ въ воздухѣ по всѣмъ направленіямъ и не прочь будутъ пограбить насъ и за облаками.

Мальчики выстроились передъ Володей по-военному.

удочку и ведро, онъ направился къ выходу.

Распахнувъ передъ Володей дверь, мальчики хотѣли пропустить его впередъ, однако онъ, не зная куда идти, отклонилъ это предложеніе:

— Ничего... я пойду позади... дорогой мнѣ надо обдумать планъ сраженія.

Миновавъ длинный рядъ пыльных, точно выхваченныхъ изъ сказокъ Шехеразеды, покосвъ дворца, они вышли на широкую зеленую лужайку, гдѣ ихъ поджидалъ худенькій, черноглазый мальчикъ, лицо котораго показалось Володѣ изу-

говорившій еще не закончилъ послѣднихъ словъ, какъ Володя услышалъ за своей спиной какое-то жужжанье, въ то же время ноги его отдѣлились отъ земли и... подъ нимъ быстро замелькали крыши городскихъ домовъ.

— Вотъ Адмиралтейскій шницъ... Вотъ Исаакіевскій соборъ... Вотъ...

Но отъ неожиданности, быстроты полета и страха у него закружилась голова, и онъ едва не потерялъ сознанія. Голоса летящихъ рядомъ съ нимъ товарищей привели его въ себя, и, нѣсколько успокоенный, Володя сталъ наблюдать, какъ регулируютъ они свой полетъ.

Механизмъ былъ такъ простъ, что не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ опъ уже освоился съ нимъ и, поворачивая виднѣвшійся на лѣвомъ браслетѣ рычажокъ, могъ подниматься и летѣть въ ту, или другую сторону.

Это привело его въ самое лучшее настроеніе, и онъ любовался разстилавшейся подъ нимъ, ежеминутно мѣняющейся панорамой.

То они летѣли надъ селами, съ бѣлоснѣжными, тонувшими въ кустахъ сирени домиками, то надъ веселыми, шумными городами, съ безчисленными фабричными трубами и горящими въ лучахъ солнца куполами зданій, то надъ синимъ, какъ агатъ, моремъ, въ глубинѣ котораго виднѣлись коралловые рифы, гигантскіе спруты и такія рыбы, какія лежали у Володи въ ведеркѣ.

Все было такъ чудесно, точно въ сказкѣ, а когда подъ ними безконечной лентой потянулись фруктовые сады съ румяными яблоками, сливами и персиками, у Володи невольно вырвалось восклицаніе:

— Вотъ бы хорошо полакомиться ими!

И какъ бы желая найти сочув-

ствіе къ сказанному у летящаго справа черноглазаго мальчика, онъ взглянулъ на него и.. встрѣтился глазами съ насмѣшливымъ, недружелюбнымъ взглядомъ.

«Съ чего это онъ такъ смотритъ на меня», подивился Володя, «Фискалъ какой-то!»

А внизу уже мелькали необозримые луга, съ тучными золотыми колосьями ржи, съ огородами, на которыхъ бѣлѣли гигантскіе, похожіе на шары, кочны капусты и зеленѣли длинные, какъ ящерицы, огурцы.

И нигдѣ, куда ни падалъ взглядъ, не было видно ни одного клочка необработанной, или незастроенной земли. Все было использовано, всюду кипѣла работа, ключомъ была жизнь.

Тамъ съ веселыми пѣснями собирали фрукты, тамъ электризовали бесплодную почву, тамъ орошали ее искусственнымъ дождемъ, — словомъ, это былъ настоящій людской муравейникъ, по которому ласково скользили уже меркнувшіе лучи заходящаго солнца.

Но вдругъ, словно по волшебству, картина стала рѣзко мѣняться.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ДЫХАНІЕ МОРЯ.

Разгулялся къ ночи знойный вѣтеръ южный,
Волны набѣгая плещутся у ногъ,
Точно захотѣлось смыть имъ гравій дружно...
Берегъ золотистый влаженъ и отлогъ.

И на всемъ просторѣ, сколько видитъ око,
Море потемнѣло, море ожило,
Гонитъ парусъ бѣлый, гонитъ одиноко
И сердито дышитъ, дышитъ тяжело.

Виталій Вячеславскій.

ЗОЛОТОЙ ДРАКОНЪ.

Разсказъ К. Нормана.

Оба положили узлы на землю и зорко всмотрѣлись въ тьму. Передъ ними высилась, чуть освѣщенная луной, фантастическая громада старинной пагоды. Отъ двора для пилигримовъ до блестящаго дракона, украшавшаго собой самую верхнюю башенку пагоды, было свыше трехсотъ футовъ разстоянія. Тотъ изъ двоихъ, что былъ поменьше ростомъ, живо представилъ себѣ удовольствіе паденія съ высоты въ триста футовъ и вздрогнулъ.

— А что, если они спапаютъ насъ, Чарли? — прошептала онъ.

— Тогда, сыне, ни одинъ агентъ не застраховалъ бы наши жизни и за половину французскаго полупенса. Но зачѣмъ предполагать такія непріятныя вещи? Принимайтесь лучше за работу, Билли.

Говорившій усмѣхнулся: — Мать Пресвятая! — И подымутъ же утромъ ругань эти святые отцы! Въ недѣлю не замолятъ ее. Пари держу, что имъ и въ голову не приходило, чтобы ихъ любимого дракона могли спереть такимъ чертовскимъ фокусомъ.

Онъ развязалъ узлы и принялся связывать другъ съ другомъ находившіяся въ нихъ бамбуковыя жерди. Билли молча принялся помогать своему товарищу.

— Рискъ очень большой, — не выдержалъ онъ, наконецъ.

— Мой нѣжный другъ! На свѣтѣ нѣтъ ни одной вещи, достойной обладанія, за которой не мелькало бы риску; съ этимъ приходится считаться.

— Покорно благодарю. Это я самъ знаю.

— Да я только такъ сказалъ, къ слову пришлось. Этотъ драконъ сплавленъ изъ чистѣйшаго золота; какъ только мы раздобудемъ его, я моментально наострю лыжи въ Англію; а то тутъ немудрено и нарваться. Вы только пошевелите мозгомъ, Билли, юноша вы мой, что это за штука Англія для человѣка съ небольшимъ состояніемъ. Ее можно считать настоящимъ раемъ — съ такимъ же правомъ, какое мы имѣемъ на мѣстечко въ настоящемъ

раю. А вы толкуете о какомъ-то большемъ рискѣ! Ради такой перспективы я пойду на какой угодно, самый безшабашный рискъ.

Дальше они работали въ полномъ молчаніи, покуда не перевязали всего бамбука, превративъ его въ подобіе огромной коробчатой рамы, которую накрѣпко обтянули коленкоромъ.

Билли снова первымъ нарушилъ молчаніе.

— Вы, вѣроятно, будете жить въ деревнѣ? Каждое воскресенье въ церкви... станете церковнымъ старостой... женитесь и прочее. Отличная штука.

Высокій крайне удивился:

— Что за муха васъ укусила? Если бы я не зналъ васъ такъ хорошо, я могъ бы вообразить, что вы держите совѣсть подъ стекломъ, и теперь она вдругъ подняла свой голосъ.

Билли выбранился.

— Будетъ глупить-то, — нетерпѣливо сказалъ онъ. — Вотъ, кстати, и готово.

На землѣ лежалъ грубо, но крѣпко сдѣланный коробчатый змѣй, съ привязанной къ нему веревками люлькой, рассчитанной на одного человѣка. Изъ послѣдней свѣшивалось внизъ нѣчто вроде огромнаго сложеннаго зонтика. Прямо на пагоду дулъ сильный постоянный вѣтеръ. Планъ обоихъ предпринимчивыхъ субъектовъ былъ ясенъ.

— Мы великіе люди! — сказалъ Чарли. — Душа моя Билли, вы, поди, съ ума сходите при мысли о томъ, что сдѣлаете съ причитающейся намъ половиной добычи?

Билли яростнымъ движеніемъ обернулся къ нему:

— Вамъ-то не придется лѣзть въ эту чертову коляску.

— Фью-ю! — присвиснулъ Чарли. — Вотъ оно что! А вы хлебните-ка изъ моей фляги.

— Я не трусь.

— Самъ это знаю. У васъ только чуть-чуть расходились нервы отъ ожиданія. Глотокъ — другой будетъ полезень, а коли такъ, то тѣмъ лучше.

Билли, на долю которого, благодаря его меньшему вѣсу, выпала самая главная роль въ предпріятіи, твердой ногой спустился въ люльку.

— Браво! — одобрительно вскричалъ Чарли. — Парашютъ для спуска дракона на землю въ порядкѣ? Отлично! Итакъ, къ дѣлу.

Онъ пропустилъ мотокъ тонкаго шелкового шнура для управленія змѣемъ за стволъ огромнаго дерева и началъ отступать назадъ, выматывая шнурокъ. Перекинувъ мотокъ черезъ руку, онъ приподнялъ бамбуковую раму съ земли. Она закачалась подъ напоромъ вѣтра, ударившаго въ коленкоровыя плоскости, и чуть не сбила его съ ногъ.

— Готово? — прохрипѣлъ онъ.

— Да.

— Отлично!

Чарли вскинулъ руки. Огромный змѣй сдѣлалъ скачокъ, а потомъ ринулся вверхъ такъ быстро, что веревка обжигала Чарли руки. Минуту спустя что-то дернуло, раздался заглушенный крикъ — и люлька ринулась вслѣдъ за змѣемъ въ пространство.

Это выходило нѣчто вродѣ подъема на лифтѣ, только похуже, а Билли всегда недолголюбилъ лифты. Чертовски неприятно чувствовать себя висающимъ въ пространствѣ въ полной власти вѣтра, не имѣя подъ ногами иной опоры, кромѣ куска полотна. У него кружилась голова, и онъ старался не смотрѣть внизъ; но его глаза такъ и тянула къ себѣ серебристая лента рѣки, протекавшей у самаго основанія пагоды.

Чарли все травилъ веревку, и башенка съ дракономъ быстро приближалась къ Билли. При свѣтѣ луны драконъ выглядѣлъ чернымъ, но Билли зналъ, что на дѣлѣ онъ желтый; онъ видѣлъ, какъ онъ сверкалъ днемъ на солнцѣ. Да, это золото, чистое золото; пріятная штука — это золото, когда обладаешь имъ. Онъ попробовалъ вообразить себѣ, что онъ сдѣлаетъ со своей долей, но это мало помогло ему. Онъ чувствовалъ себя страшно нервнымъ. Почему? Съ нимъ никогда этого не бывало прежде.

Теперь онъ былъ ужъ у цѣли.

У цѣли — да, но добраться до нея было далеко не такъ легко, какъ онъ это воображалъ. Онъ вертѣлся въ своей люлкѣ кругомъ и около башенки, не имѣя воз-

можности изловчиться и ухватиться за нее. Усилія Чарли внизу направить змѣя еще болѣе ухудшали дѣло. Разинутая пасть дракона точно смѣялась надъ всѣми его усиліями. Нѣсколько минутъ такой безцѣльной качки довели Билли чуть не до слезъ.

Вдругъ веревку яростно дернуло; змѣй вздрогнулъ, точно живое существо. Драконъ съ разинутой пастью прыгнулъ ему навстрѣчу. Билли въ слѣпомъ отчаяніи протянулъ впередъ руки и обхватилъ ими дракона. Змѣй дергало въ разныя стороны, и Билли пришлось обвить ногами хвостъ дракона, чтобы не выпустить его. Снизу доносились смутные крики; это, вѣрно, кричалъ Чарли. Билли пришло въ голову, что это страшно глупо — кричать въ такое время. И чего это онъ думаетъ? Страшный толчокъ люльки чуть не оторвалъ его отъ дракона. Онъ вдругъ увидѣлъ, что змѣй теперь находится ниже его. Онъ повернулъ голову и посмотрѣлъ внизъ. Жрецы!

Они кишѣли внизу кругомъ пагоды, точно потревоженные муравьи. Шнурокъ отъ змѣя былъ въ ихъ рукахъ, и они ужъ тянули его внизъ, такъ что Билли еле выдерживалъ тягу. Еще минута — и онъ не выдержитъ.

Быстро-быстро онъ прикрѣпилъ люльку къ дракону свободно висѣвшимъ съ нея концомъ веревки. И какъ это онъ сдѣлалъ такую глупость — не захватилъ съ собой ножа? Онъ съ лихорадочной поспѣшностью принялся развязывать веревки, соединявшія змѣя съ люлькой.

Внизу онъ видѣлъ Чарли метавшагося, точно бѣшеный, въ серединѣ облѣпившей его кучи жрецовъ; ихъ фигуры выглядѣли, точно маріонетки, но ясная серебристая луна освѣщала малѣйшія детали схватки.

Жрецы вырвали у него веревку, но не могли осилить его: они всѣ до одного были безоружны, а Чарли обрабатывалъ ихъ огромнымъ туземнымъ ножомъ; его револьверъ запутался въ карманѣ; пока что онъ могъ еще держаться. Исходъ борьбы былъ еще не рѣшенъ, когда нѣсколько человекъ принялись изо всѣхъ силъ тащить шнурокъ. Одно изъ укрѣпленій, охватывавшихъ дракона, лопнуло съ трескомъ пистолетнаго выстрѣла.

Билли рвалъ веревки зубами и пальцами. Онъ всегда боролся до конца, и его упорное сопротивленіе, казалось бы, неизбѣжной смерти не разъ выводило его изъ положеній, изъ которыхъ на первый взглядъ не было никакого выхода. Но страшная сила натяженія превращала узлы въ настоящій камень; пока Билли возился съ ними, веревки, охватывавшія дракона, лопались одна за другой; драконъ раскачивался все сильнѣе и становился все неустойчивѣе. Въ тотъ самый моментъ, какъ лопнула послѣдняя веревка, соединявшая люльку съ змѣей, драконъ повернулся и опрокинулся. Билли во все горло взвизгнулъ и вцѣпился въ него руками и ногами.

Поврежденный змѣй полетѣлъ внизъ, откуда до Билли донесся хоръ отчаянныхъ криковъ.

Минуто спустя онъ смѣнился криками восторга; Билли со все возрастающею скоростью катился вмѣстѣ съ дракономъ по откосу крыши. Онъ бѣшено вцѣпился въ ея край, сорвался и полетѣлъ головой внизъ на землю.

Но тутъ произошла страшная вещь. Послышалось характерное хлопанье развертывающагося полотна, и Билли ощутилъ страшное сотрясеніе. Когда онъ открылъ глаза, онъ увидѣлъ, что пагода ужъ не летитъ мимо него прямо въ небо, а скользитъ по діагонали. Сначала онъ ничего не понималъ, потомъ взглянулъ вверхъ, увидалъ надъ своей головой предметъ, похожій на развернутый зонтикъ, и — понялъ все. Парашютъ, прикрѣпленный къ люлкѣ (къ которой былъ привязанъ и Билли) и предназначавшійся для спуска дракона, раскрылся самъ собою.

Онъ былъ слишкомъ измученъ, чтобы почувствовать благодарность судьбѣ, пославшей ему такую счастливую случайность. Вдругъ у себя подъ ногами онъ увидалъ серебристую полосу рѣки. Неужели придется утонуть?

Но парашютъ перелетѣлъ рѣку и опустился въ бамбуковыя заросли противоположнаго берега.

Онъ пролежалъ тамъ безъ сознанія, положивъ голову на золотого дракона, покуда къ нему не подбѣжалъ запыхавшійся человекъ и не привелъ его въ чувство приемами, не особенно нѣжными, но зато дѣйствительными. Это былъ Чарли — весь мокрый, въ одеждѣ, превратившейся въ лохмотья, но какъ будто безъ какихъ-либо серьезныхъ пораненій.

Билли съ трудомъ приподнялся. — Я думалъ, что васъ убили, — произнесъ онъ. — Какъ вамъ удалось удаться?

— Все ваша авионика. Жрецы такъ опѣшили, что выпустили меня, а я переплылъ рѣку. Въ ней теперь половодье и сильное теченіе, такъ что меня рискнулъ преслѣдовать только одинъ китаецъ. Онъ, надо думать, пропутешествуетъ внизъ по рѣкѣ — подышитъ морскимъ воздухомъ; на эту сторону онъ, во всякомъ случаѣ, не добрался.

— Они могутъ найти лодку.

— Потому-то намъ и нечего прохлаждаться тутъ. Зароемъ дракона, — потомъ вернемся и откопаемъ. Помогите-ка поднять...

— Матерь Пречистая, какой онъ легкій! Съ пустотой, должно быть.

— Пожалуй... а посмотрите-ка сюда! Что это такое?

Они стали передъ дракономъ на колѣни и выпучили глаза на какое-то странное выпуклѣвшее мѣсто на его блестящей шкурѣ. Затѣмъ они молча переглянулись и поднялись съ колѣнъ. Чарли издалъ при этомъ звукъ, очень похожій на сдержанное рыданіе.

— Значитъ, насъ обманули! — хриплымъ голосомъ произнесъ онъ. — Идемъ, Билли. Здѣсь намъ нечего больше дѣлать.

Жрецы уже не застали обоихъ «заморскихъ чертей». На землѣ сиротливо лежалъ парашютъ, а рядомъ съ нимъ драконъ, сдѣланный изъ позолоченнаго дерева.

Съ англ. З. П.

Іосифъ Дельмонтъ, рассказы котораго мы помѣщаемъ, въ ранней молодости работалъ вмѣстѣ съ однимъ извѣстнымъ ловцомъ дикихъ звѣрей. Съ нимъ, а потомъ и самостоятельно, Дельмонтъ объѣздилъ всѣ части свѣта. Когда начали показывать въ кинематографѣ filmy съ дикими звѣрями, Іосифъ Дельмонтъ оказался самымъ талантливымъ „звѣринымъ режиссеромъ“. Самыя эффектныя сцены съ участіемъ звѣрей — дѣло рукъ, опыта и знаній Дельмонта, который до конца остается честнымъ другомъ животныхъ. Насколько интересны его необычайныя приключенія, пережитыя во время всевозможныхъ путешествій, можете судить сами по нашей серіи рассказовъ „Дикіе звѣри въ кинематографѣ“.

Человѣкъ и звѣрь.

Природа хорошо сдѣлала, что надѣлила животныхъ только горловыми звуками. Если бы звѣри умѣли говорить, человѣку никогда не удалось бы сдѣлаться ихъ господиномъ. Уже въ сѣдой древности человѣкъ заставилъ служить себѣ животныхъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ первобытныя изображенія каменнаго вѣка. Жители нынѣшней Швейцаріи, говорятъ, пользовались когда-то даже бурымъ медвѣдемъ для перевозки тяжестей, но первымъ вѣрнымъ спутникомъ человѣка сдѣлалась (уже въ глубокой древности) собака. Впрочемъ, не любовь привела къ человѣку собаку. Собака искала защиты, подвѣргаясь преслѣдованіямъ со стороны болѣе сильныхъ звѣрей. Человѣкъ быстро сообразилъ, какую пользу онъ можетъ извлечь изъ вѣрнаго четвероногого друга, и сблизился съ ней.

У большинства первобытныхъ народовъ были въ ходу собачьи бои, но теперь этотъ спортъ вывелся почти совершенно. На островѣ Минданао въ бывшее время судебный процессъ происходилъ слѣдующимъ образомъ. Каждая сторона приводила съ собою на разборъ дѣла боевого пса. Мѣстомъ засѣданія

всегда являлась открытая площадь посреди деревни. Здѣсь располагался вождь, окруженный своими «министрами», колдунами, женами и ихъ «придворными дамами».

Вождь подавалъ знакъ къ началу процесса, принимаясь колотить дубинкой лежащихъ передъ нимъ министровъ. Тогда начинался бой или процессъ. Собаки бросались другъ на друга. За ними вмѣшивались въ свалку ихъ господа и принимались тузить и другъ друга, и собакъ. Собаки, хорошо различая своихъ господъ, сейчасъ же бросались на ихъ противниковъ. Собачій поединокъ переходилъ въ бой человѣка съ собакой. Людямъ было запрещено пользоваться оружіемъ, такъ что борьба была очень упорна. Не только собаки, но и люди кусались. Побѣдителемъ считался тотъ, кто придавитъ собаку къ землѣ, держа ее за загривокъ, и ударить ее кулакомъ по шеѣ.

Гораздо опаснѣе, однако, борьба между человѣкомъ и дикимъ звѣремъ. Намъ незачѣмъ возвращаться къ итрищамъ въ древнемъ Римѣ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ авторъ этихъ строкъ былъ въ Назирабадѣ, въ Бенгаліи, при дворѣ одного индійскаго князя, раджи Сю-

батскаго, и присутствовалъ при борьбѣ между индусомъ-гигантомъ и взрослой пантерой.

Тѣло человѣка было защищено тѣмъ-то вродѣ среднеѣвковой кольчуги, а голова и ноги были совершенно открыты. Въ лѣвой рукѣ его висѣлъ длинный лоскутъ, а въ правой онъ держалъ кривой ножъ. Когда пантеру выгнали изъ загона, она съ минуту лежала неподвижно. Тогда сверху на доскѣ спустили на арену горную козочку. Бѣдное животное громко блеяло отъ страха. Пантера повернула голову по направлению къ козѣ, съ минуту неподвижно смотрѣла на нее и потомъ проползла на животѣ, приблизительно, метръ. Индусъ тѣмъ вре-

лапъ, стараясь держать голову и ноги подальше отъ когтей. Однимъ ударомъ лапы пантера разорвала кольчугу на лѣвомъ плечѣ человѣка. Зазіяла глубокая рана. Шансы мѣнялись. То человѣкъ одерживалъ верхъ, то звѣрь. Индусъ зажалъ пощѣ въ зубахъ и обѣими руками оттолкнулъ назадъ голову пантеры, которая тщетно старалась освободиться отъ окутавшей ее тряпки, яростно вонзивъ когти заднихъ лапъ, сквозь кольчугу, въ ребра и спину человѣка. Индусъ все крѣпче и крѣпче стягивалъ тряпку вокругъ шеи отчаянно отбивавшагося звѣря. Кровь струилась у него изъ многочисленныхъ ранъ. кровавыя полосы зіяли на обоихъ

Силы пантеры медленно сдавали . . .

менемъ подошелъ къ козѣ. Въ то мгновеніе, когда хищникъ приготовился къ прыжку, человѣкъ оттолкнулъ козу, и самъ, нагнувшись, отскочилъ въ сторону; звѣрь промахнулся. Тогда индусъ ударилъ пантеру длиннымъ лоскутомъ. Фырча отъ ярости, звѣрь изготавился ко второму прыжку, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ прыгнуть, боецъ швырнулъ лоскутъ въ пантеру и въ то же мгновеніе бросился на нее. Завязалась ужасная борьба между человѣкомъ и звѣремъ. Коза стояла рядомъ въ оцѣпенѣніи и надрывала сердце своимъ блеяніемъ.

Человѣкъ и звѣрь катались въ пыли. Съ быстротою молніи человѣкъ обвилъ лоскутъ вокругъ шеи пантеры и одной изъ ея переднихъ

бедрахъ. Силы пантеры медленно сдавали. Она слабѣла и подъ конецъ вытянулась безъ движенія подъ придавившимъ ее человѣкомъ. Еще двѣ или три минуты человѣкъ лежалъ на неподвижномъ звѣрѣ, затѣмъ медленно и осторожно поднялся и снялъ лоскутъ съ шеи пантеры. Она была жива и лишь потеряла сознание отъ удушья. Индусъ съ крикомъ поднялъ звѣря на воздухъ и бросилъ его въ песокъ. Изумительный трюкъ послѣ изнурительной борьбы, которая длилась по меньшей мѣрѣ 10—12 минутъ, и если принять во вниманіе, что животное вѣсило болѣе 5 пудовъ! Гордо выпрямившись, побѣдитель удался съ поля битвы. Кровь струилась у него по плечу и бедрамъ.

Пантера, медленно пробудившись отъ оцѣпенѣнія, ковыляла по аренѣ, какъ пьяная, и даже не обращала вниманія на козу.

Въ теченіе тысячелѣтій любимымъ зрѣлищемъ толпы были представленія дрессированныхъ хищныхъ звѣрей. Финикійцы, греки и римляне знали знаменитыхъ укротителей, съ которыми не могутъ соперничать наши современные дрессировщики. Въ исторіи древнихъ грековъ извѣстенъ одинъ укротитель, который выступалъ на аренѣ Акрополя съ 30 львами, гонялъ звѣрей въ разныхъ направленіяхъ, потомъ ложился на землю и заставлялъ ихъ ложиться поперекъ своего тѣла.

Разсказываютъ, что въ греческомъ Луросѣ жилъ человѣкъ, который обрабатывалъ свои поля, запрягая въ плугъ львовъ. Въ одной деревнѣ и понынѣ можно видѣть на каменной стѣнѣ искусно вырѣзанный рельефъ, изображающій крестьянина съ упряжкой львовъ.

Кинематографъ въ первые годы своего существованія вообще не вводилъ въ свою программу фильмовъ съ хищными звѣрями. Первые такіе filmy появились только въ 1909 году въ Америкѣ.

Дрессировка хищнаго звѣря совершенно не похожа на работу съ прирученными звѣрями. Здѣсь требуется не только мужество, чрезвычайное терпѣніе и присутствіе духа, но и интеллигентность укротителя. Со львомъ нужно обращаться иначе, чѣмъ съ тигромъ, и опять-таки совершенно иначе, чѣмъ съ

волкомъ, прожорливымъ и алчнымъ. Сѣверо-американскій медвѣдь — гризли — вообще не пригоденъ для дрессировки и постоянно бросается на своего укротителя. Въ Америкѣ три дрессированныхъ гризли въ теченіе 42 недѣль убили двухъ своихъ служителей и ранили свыше 70 лицъ персонала. Бѣлый медвѣдь коваренъ и драчливъ. Лучшее всего поддается дрессировкѣ бурый медвѣдь.

Какъ школьный учитель долженъ считаться со способностями каждаго ученика и не можетъ воспитывать всѣхъ по одному шаблону, такъ же невозможно по одной схемѣ дрессировать всѣхъ животныхъ, особенно хищниковъ.

Авторъ этихъ строкъ былъ первымъ укротителемъ, который работалъ съ большой партией «мелкихъ кошечекъ» — ихъ было 22 штуки: пантеры, ягуары, леопарды, гепарды и пумы. Эти «мелкіе звѣри», которые величиной мало уступаютъ тигру, — самый трудный матеріалъ, какой только можно себѣ представить. Двадцать два хищника вмѣстѣ съ двумя датскими догами (которыхъ нѣсколько разъ приходилось замѣнять) въ теченіе шести недѣль приучались другъ къ другу въ большомъ сараѣ въ предмѣстьи Лондона. Ежедневно происходили битвы, и ежедневно приходилось зашивать и перевязывать раны. Звѣри нападали и на укротителя, который часами возился съ ними. Во время частыхъ дракъ обоимъ догамъ нерѣдко приходилось разгонять звѣрей. Эти же собаки, въ случаѣ опасности, защищали своего господина.

Левъ — кино-артистъ.

Лучше всего поддается дрессировкѣ левъ. Онъ самый спокойный фильмовый артистъ, — нужно только дать ему время.

Первый левъ, котораго я использовалъ въ фильмѣ, долженъ былъ «играть» въ Чикаго. Это была одноактная драма, гдѣ левъ долженъ былъ вырваться, по несчастной случайности, изъ клѣтки зоологическаго сада и послѣ нѣсколькихъ при-

ключеній проникнуть въ квартиру одного пьяницы. Пьяница, хмель котораго быстро улетучивается передъ лицомъ опасности, вступаетъ въ страшную борьбу со звѣремъ, защищая свою жену и дочку, которыхъ передъ тѣмъ онъ тиранилъ.

Кино-фирма достала для этого фильма исполнскаго сенегальскаго льва, который былъ выбранъ изъ группы хорошо дрессированныхъ

львовъ, какъ самый кроткій. Но звѣрь, привыкнувшій работать вмѣстѣ съ другими львами, все время нервничалъ и явно злился, пока наконецъ ударомъ лапы не поранилъ довольно чувствительно плечо своего сторожа. Тогда достали другого дрессированнаго льва, но и онъ оказался плохимъ кино-артистомъ. Тогда, по моему совѣту, былъ купленъ совершенно дикій левъ, лишь недавно привезенный изъ Конго. Обычно думаютъ, что родившійся и выросшій въ неволѣ хищный звѣрь гораздо болѣе кротокъ и менѣе опасенъ, чѣмъ пойманный въ дикомъ состояніи. Но это не такъ. Звѣрь въ неволѣ очень скоро научается распознавать слабыя стороны человека, между тѣмъ какъ дикій звѣрь, хотя и воинственнѣе, но первое время всегда смущается передъ человекомъ.

Нашего дикаго льва сперва втащили въ ателье, чтобы приучить его къ свѣту, шуму и т. п. Тѣмъ временемъ снимали другой фильмъ. Людямъ строго запретили приближаться къ звѣрю. Ежедневно отъ 10 до 12 разъ я пересаживалъ звѣря, чтобы онъ привыкъ къ переходу изъ клѣтки въ клѣтку и твердо помнилъ: если съ грохотомъ открывается и закрывается рѣшетка, то онъ долженъ оставить клѣтку и перейти въ другую. Все это достигалось безъ крика и безъ выстрѣловъ, лишь съ нѣкоторой помощью вилки; но уже черезъ три дня и вилка стала излишней.

Затѣмъ звѣрь былъ помѣщенъ въ специально построенную клѣтку, которая была поставлена въ переулочекъ зоологическаго сада. Открытая часть переулка была огорожена рѣшеткой; фотографическій аппаратъ съ объективомъ, направленнымъ на клѣтку, былъ помѣщенъ у этой рѣшетки, а рядомъ съ аппаратомъ стояла другая клѣтка.

Въ тотъ моментъ, когда левъ, бѣгая назадъ и впередъ, коснулся передней рѣшетки (мы должны были терпѣливо ждать этого три часа), была открыта дверь клѣтки, — такъ, словно звѣрь сдѣлалъ это собственнымъ туловищемъ. Одно мно-

женіе левъ стоялъ въ недоумѣніи, затѣмъ, услышавъ грохотъ двери второй клѣтки, которая открылась по командѣ, граціозно выпрыгнулъ изъ большой клѣтки и побѣжалъ къ кино-аппарату, т. е. къ другой клѣткѣ — послушно и, вѣроятно, внутренне довольный возможностью вернуться въ свой домъ.

Труднѣе было выполнить съемки на улицахъ.

Всѣ боковыя улицы пришлось загородить крѣпкой проволокой, затѣмъ нанять смѣлыхъ людей, такъ какъ улицы должны были быть оживленными, и на нихъ разыгрываться какъ комическія, такъ и драматическія сцены... Большей частью это были артисты, такъ какъ люди должны были умѣть бѣгать, карабкаться и прыгать. Автомобили, экипажи, трамваи, велосипедисты, дѣтскія колясочки и собаки — все это должно было находиться на улицахъ въ свободномъ движеніи въ тотъ моментъ, когда появится левъ. Три оператора были поставлены въ удобныхъ мѣстахъ. Я не безъ тревоги ожидалъ рѣшительнаго дня, такъ какъ нашъ левъ былъ не настолько опытенъ, чтобы исполнить роль увѣренно и безъ всякихъ скандаловъ. Нѣкоторые артисты очень нервничали, и ихъ пришлось исключить.

Наконецъ началась съемка. Нашъ левъ былъ въ дурномъ настроеніи и сперва отказался, несмотря на всѣ «ласковые» уговоры, оставить свою клѣтку.

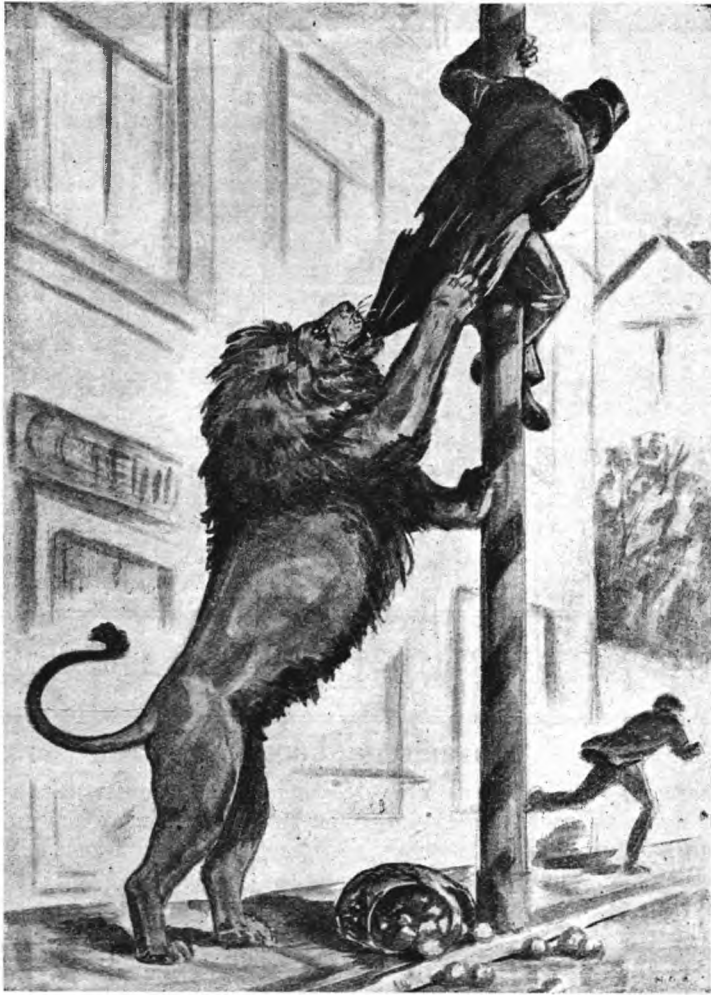
«Прохожіе» беззаботно шагали по улицамъ, газетчики выкрикивали «экстренныя телеграммы», трамвай шумѣлъ, но левъ не появлялся.

— Всѣ назадъ по мѣстамъ! — была слѣдующая команда, потомъ снова данъ былъ сигналъ къ началу, — и левъ вышелъ. Онъ былъ раздосадованъ, а артисты стали не такъ боязливы и побѣжали не такъ рано, какъ прежде. И тутъ едва не случилось несчастья. Одинъ человекъ долженъ былъ вскарабкаться на «шесть цырюльника» (окрашенный красными и бѣлыми полосами столбъ, какіе стоятъ передъ всѣми парикмахерскими въ Америкѣ). Онъ

упалъ со столбомъ, но какъ можно скорѣе поднялся вмѣстѣ съ нимъ и еще разъ вскарабкался на него. Тѣмъ временемъ левъ подошелъ ближе, и что-то, должно быть, ему

клѣтку, неся въ пасти остатки пиджака и брюкъ.

Дальнѣйшія уличныя сцены прошли гладко. И прыжокъ въ окно дома былъ продѣланъ легко: я по-

Однимъ ударомъ лапы сорвалъ полпиджака . . .

не понравилось въ человѣкѣ на столбѣ. Какъ бы то ни было, у столба онъ поднялся и однимъ ударомъ лапы сорвалъ съ несчастнаго полпиджака, брюки и рубашку. Нѣсколько глубокихъ царапинъ остались на тѣлѣ бѣдняги - статиста. Все это происшествіе разыгралось въ самое короткое время, всего въ трехъ метрахъ отъ послѣдняго аппарата, и за симъ господинъ левъ направился въ свою вторую

ставилъ за окномъ сторожа съ большимъ кускомъ кроваваго мяса на вилкѣ, такъ что у льва разыгрался аппетитъ. Но самое трудное было еще впереди: съемки въ комнатѣ, гдѣ находились мужчина, женщина и ребенокъ. И это прошло хорошо, сверхъ всякаго ожиданія.

Мы сдѣлали большой снимокъ со льва, вскочившаго на подоконникъ, затѣмъ борьбу съ нимъ и его бѣгство.

Но замѣчательно, что какъ разъ неожиданная сцена у столба цирюльника, съ невольнымъ раздѣвaniem артиста, имѣла наибольшій успѣхъ у публики и обезпечила фильму громадный сбытъ.

Въ слѣдующихъ номерахъ «Юнаго

Читателя» мы дадимъ новыя приключенія И. Дельмонта съ его четвероногими друзьями: «Салли, маленькая медвѣдица», «Обезьянка Мики», «Гладиаторъ — кино-верблюдъ» и др.

ИЗЪ КНИГИ ПРИРОДЫ.

Зимнія насѣкомыя.

Многіе полагаютъ, что, когда наступаютъ морозы, и земля покрывается снѣгомъ, замираетъ вся жизнь насѣкомыхъ, что они выпадаютъ въ «зимнюю спячку», чтобы проснуться къ новой жизни только съ наступленіемъ весенняго тепла. На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Есть цѣлый рядъ насѣкомыхъ, появляющихся поздней осенью, дѣятельность которыхъ не прекращается и въ началѣ зимы. Такъ, напримѣръ, зимняя пяденица и нѣкоторыя ночныя бабочки не боятся температуры ниже нуля. Тѣмъ не ме-

нѣ такія насѣкомыя не могутъ считаться зимними въ настоящемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ они не переживаютъ зимы.

Но есть другія насѣкомыя — истыя дѣти зимы.

Если въ мягкій зимній день, когда температура не ниже нуля, вы отправитесь въ лѣсъ, то на снѣгу навѣрное встрѣтите разныхъ насѣкомыхъ. Чаше всего будутъ попадаться очень мелкіе продолговатые рогохвосты, передвигающіеся прыжками. Кромѣ рогохвостовъ встрѣтятся долгоножка, разныя мухи, иногда клопы. Появляются на снѣгу нѣкоторыя жуки, а иногда и гусеницы бабочекъ.

Самыя же любопытныя насѣкомыя изъ приуроченныхъ къ зимнему времени это бореи и хіонія.

Борея можно встрѣтить повсюду и довольно часто. Онъ передвигается по снѣгу бодро, хотя не особенно быстро, прибивая изрѣдка къ прыжкамъ. Тѣло его

Рогохвость (увелич).

И подхвативъ Вика на руки, сторожъ пронесъ его черезъ площадь, постукивая деревяшкой по обмерзлымъ камнямъ мостовой.

жаренья и варенья. Она стояла въ кухнѣ съ вертеломъ въ рукахъ передъ очагомъ и говорила съ Эльзой о новомъ способѣ засола огурцовъ, сообщенномъ мадамъ Іогансонъ.

— Я не думаю, чтобы это было лучше дубоваго листа, — говорила она, пробуя вилкой птицу на вертелѣ. — Еще не дожарилась, — добавила старушка по адресу птицы. — Боже мой, что это?!

Вилка выпала изъ ея руки, и, поблѣднѣвъ, старушка кинулась къ дверямъ, навстрѣчу Іоганну, несшему Вика.

— Боже! Что это? Викъ, милый!

Викъ постарался пріободриться и улыбнулся Мартѣ.

— Ничего... Я только чуть захворалъ... Самую капельку. — попробовалъ онъ успокоить тетку.

Іоганнъ усадилъ его на скамьѣ у очага. Марта кинулась къ любимцу и принялась дрожащими руками ощупывать его.

— Боже мой! Боже мой! Что мнѣ теперь дѣлать? — восклицала она, выражая видомъ своимъ полную растерянность и беспомощность. Эльза тоже переполошилась и стояла, опустивъ руки, точно деревянный паяцъ. Въ кухнѣ запахло горѣлой птицей, но на это никто не обратилъ вниманія.

Въ самую критическую минуту въ кухню вошла Клара.

— Что у васъ тутъ за соломъ? — спросила она. — Что съ нимъ? Боленъ? Милая Марта, не зачѣмъ такъ бѣсноваться по этому поводу... Эльза, горитъ утка! А тебѣ, мой милый, нечего тутъ стоять — иди обратно!

Это относилось къ Іоганну, созерцавшему картину смятенія. Сторожъ свирѣпо взглянулъ на Клару, но ушелъ, хлопнувъ дверью и ничего не сказавъ. Клара подошла къ Виду и занялась имъ.

— Господи, Марта, — сказала она спокойнымъ тономъ. — нечего притоптывать на мѣстѣ, точно молящійся готтентотъ. Нужно приготовить постель и послать за докторомъ.

Ея рѣшительность всегда приносила благіе результаты.

Викъ съ помощью тетокъ черезъ минуту уже былъ у себя въ кровати, а Эльза мчалась, сломя голову, черезъ городокъ къ доктору.

Марта помогла мальчику освободиться отъ платья и уложила его, старательно прикрывъ одѣяломъ. Клара критическимъ окомъ взирала на всю эту процедуру, не принимая въ ней участія и только подавая нужныя, по ея мнѣнію, указанія.

Викъ почувствовалъ сильную тошноту и страшное головокруженіе. Однако пересиливъ себя, улыбнулся теткѣ.

— У меня ничего не болитъ...

Марта, вся исполненная безпокойства, тяжело опустилась возлѣ него на кровать.

— Господи, испытуешь Ты рабовъ своихъ! — воскликнула она. — Викъ, милый мой мальчикъ, неужели ты захвораешь?

Клара презрительно улыбнулась, глядя на сестру, и величаво выплыла изъ комнаты. Она пропадала довольно долго, но вернулась снова съ кружкой въ рукахъ.

— Тебя тошнить, Викъ, — подходя къ изголовью больного, протянула она кружку. — Выпей!

Это было пріятное освѣжающее питье, видимо, только что приготовленное. Викъ жадно сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и почувствовалъ облегченіе.

— Благодарю васъ, тетя Клара.

— Не за что...

Марта признательно взглянула на сестру.

— Боже мой, а я то и не подумала объ этомъ.

Пришелъ докторъ. Это былъ почтенный старичокъ, очень внушительный, въ длинномъ, чуть ли не до пятъ, черномъ сюртукѣ. Онъ потеръ руки, согрѣвая пальцы, вѣжливо поздоровался съ дамами и направился къ больному, вынувъ изъ кармана блестящую трубку.

Онъ долго выслушивалъ и выстукивалъ мальчика, заставляя его поворачиваться то спиной, то бокомъ, то лицомъ къ себѣ и, наконецъ, внимательно занялся желудкомъ.

Марта съ трепетомъ и благоговѣніемъ слѣдила за каждымъ движеніемъ доктора. Она мало смыслила въ наукахъ, но докторъ казался ей высшимъ существомъ, облеченнымъ чудодѣйственной властью. Взглядъ ея былъ полонъ мольбы, когда докторъ покончилъ, наконецъ, осмотръ.

— Желудокъ... Все въ желудкѣ. — сказалъ онъ, складывая инструментъ. — Я приплю лѣкарство.

Нужно замѣтить, что докторъ Кломпусъ былъ въ то же время и аптекаремъ. Врачебная практика его была настолько ограничена, что лишила бы его возможности существовать, но аптека все-таки приносила доходъ.

Несмотря на болѣзнь, Викъ съ любопытствомъ слѣдилъ за всѣми движеніями доктора. Важный видъ, глубокомысленное выраженіе лица, съ которымъ тотъ выслушивалъ его, внушали невольное почтеніе. Викъ замѣтилъ, что только одна странная тетка Клара скептически наблюдала за докторомъ, и въ глазахъ ея сквозило недовѣріе. Когда докторъ ушелъ, она сказала:

— Я бы не приняла даже лѣкарства. Тутъ хорошей порціи сабура было бы достаточно.

Но тетка Марта пришла въ ужасъ.

— Что ты! Что ты, милая Клара! — воскликнула она. — Докторъ лучше нашего смыслить въ болѣзняхъ... Нѣтъ ужъ, я довѣрюсь господину Кломпсу — онъ человѣкъ почтенный.

IV.

Нѣсколько дней Викъ былъ тяжело боленъ. Внутри его точно пылалъ пожаръ, распалывшій кровь, и мальчикъ метался по постели въ бреду, не узнавая даже тетку Марту. Бѣдная старушка почти не отходила отъ постели больного, долгія ночи просиживая надъ своимъ любимцемъ, то съ тревогой и отчаяніемъ всматриваясь въ красное отъ жара осунувшееся лицо, то съ надеждой шепча благодарственную молитву.

Клара изрѣдка навѣщала больного. Она просиживала обыкновенно недолго, храня угрюмое молчаніе, но пронизательный человѣкъ могъ бы подмѣтить во взглядѣ ея суровыхъ глазъ теплыя искорки, зажигавшіяся вдругъ, точно лампы въ сумракѣ мрачнаго храма.

Она ничего не говорила сестрѣ. Ни слова сочувствія, ни ободренія не сошло съ ея плотно стиснутыхъ губъ за два дня. Только, наконецъ, на третьи сутки Клара вошла въ комнату Вика съ видомъ болѣе рѣшительнымъ и суровымъ, чѣмъ обыкновенно.

— Марта, — сказала она тономъ, не допускающимъ возраженій, — Марта, такъ больше не должно продолжаться.

Старушка подняла на нее усталый взоръ и приложила руку къ губамъ. Жестомъ этимъ она молила о тишинѣ.

Клара окинула быстрымъ взглядомъ Вика. Мальчикъ лежалъ тихо, но безъ сознанія, на что

указывали открытые глаза, уставившіеся въ одну точку на потолокъ.

— Марта, — такъ же внушительно, однако значительно понизивъ голосъ, повторима Клара, — ты должна пойти и прилечь.

Мысль эта, должно быть, показалась дикой Мартѣ. Она и руками затрясла.

— Ой, нѣтъ, нѣтъ... что ты? Развѣ можно и думать объ этомъ?

— Глупости. Конечно, можно, иди и засни, а я посижу съ нимъ. Не безпокойся, можешь положиться на меня. Лѣкарство будетъ дано во-время, и, кромѣ того, я неспособна надѣлать глупостей, какъ ты, если онъ придетъ въ сознаніе.

Марта не въ состояніи была спорить. За двое сутокъ она была разбита физически и нравственно. Она попробовала все-таки возразить, но очень слабо:

— Но ты, милая Клара...

Старушка не договорила, но кроткій просящій взглядъ досказалъ за нее.

Клара отвѣтила сухо:

— Я не говорю, что пылаю къ нему любовью. Но сердца у меня хватаетъ, Марта, чтобы обезпечить ему хорошій уходъ.

Тогда Марта сдалась. Она нуждалась въ отдыхѣ, каждый фибръ ея тѣла былъ переутомленъ. Почти спотыкаясь отъ усталости, старушка добралась до своей комнаты и, не раздѣваясь, кинулась на постель.

Съ этого дня начались правильныя дежурства у постели Вика. Сестры аккуратно смѣняли другъ друга. Марта, положимъ, не прочь была просидѣть и лишніе нѣсколько часовъ, но Клара не допускала никакихъ уклоненій отъ порядка.

Докторъ Кломпусъ усердно навѣщалъ Вика. Сей ученый мужъ приносилъ съ собой большія бутылки синяго стекла съ микстурами и внушительнаго вида коробки съ крупными черными пилюлями. Трудно было сказать что-нибудь опредѣленное о дѣйстви этихъ средствъ. Почтенный г. Кломпусъ, кажется, самъ бы не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Но что бы тамъ ни было, организмъ мальчика вынесъ благополучно и пилюли, и микстуры, — и на четвертыя сутки Викъ пришелъ въ себя къ глубокой радости Марты.

Конечно, Марта сразу же надѣлала много гѣхъ глупостей, о которыхъ говорила Клара. Она прежде всего заплакала отъ радости, потомъ обняла Вика, стала его ласкать и цѣловать, проявляя восторгъ не меньше того, которымъ исполнялись въ оное время родные библейскаго Лазаря, воскресшаго изъ мертвыхъ. Въ концѣ концовъ старушка разразилась смѣхомъ сквозь слезы и, наконецъ, самой горячей молитвой, на которую только лишь была способна ея душа.

Викъ не безъ волненія встрѣтилъ эти проявленія радости. Слабымъ голосомъ, удивившимъ его самого, онъ сказалъ:

— Тети Марта, что съ тобой?

Это вызвало новый припадокъ умиленія. Во время болѣзни Викъ бредилъ убійствомъ, Беномъ Гунномъ, Кедрикомъ и частенько вспоминалъ учителя и доктора. Свою любимую тетку онъ называлъ то убійцей Беномъ, то превращалъ ее въ Кедрика, г. Аннуса и, наконецъ, смѣшивалъ съ докторомъ. Теперь впервые за нѣсколько дней онъ называлъ ее обычнымъ именемъ. Старушка была вѣ себя отъ радости.

— Викъ... милый мой мальчикъ... Такъ ты узнаешь меня?! Слава Богу! Слава Тебѣ, Живо-

творецъ и Жизнедержатель, за то, что Ты вернулъ мнѣ моего мальчика!

Вику это было немного непонятно. Ему казалось страннымъ, что тетку Марту поражаютъ такія обыкновенныя явленія.

— Какъ же мнѣ не узнать тебя? — улыбаясь прошепталъ онъ.

— О! — Марта всплеснула руками. — Милый Викъ, ты меня называлъ все время этимъ ужаснымъ Беномъ Гунномъ, потомъ Кломпусомъ...

Мальчикъ вытаращилъ глаза. Трехдневный бредъ казался ему мрачнымъ тяжелымъ сномъ, наполненнымъ какими-то жуткими кошмарами. Ему казалось, что онъ безпокойно проспалъ ночь, и потребовалось усиліе памяти, чтобы вспомнить о болѣзни. Вдругъ онъ обезпокоился.

— Тетя... Въ школѣ осталась моя синяя книжка, — неожиданно сказалъ онъ, — принесли ее?

Тетя кивнула утвердительно головой. Викъ закрылъ глаза, утомленный разговоромъ и поведеніемъ тетки. Нѣсколько минутъ царило молчаніе.

— Ахъ да, — сказалъ Викъ, снова открывая глаза: — меня принесъ на рукахъ Іоганнъ... Боже, какъ стучала его деревяшка...

И мальчикъ засмѣялся, успокоенный этимъ воспоминаніемъ.

Марта подумала было, что снова начинается бредъ, и встревожилась. Но Викъ больше не разговаривалъ. Дыханіе его стало спокойнымъ и ровнымъ — мальчикъ заснулъ, продолжая улыбаться.

Тихо, точно боясь спугнуть бабочекъ, Марта наклонилась надъ мальчикомъ и поцѣловала его въ блѣдный лобъ, покрытый легкой испариной. Потомъ такъ же осторожно опустила на колѣни и начала молиться. Ея Викъ былъ спасенъ!

ГЛАВА VI.

Ночь, полная тайнъ.

I.

Когда Викъ вышелъ послѣ болѣзни изъ дому, на крышахъ домиковъ Эресбурга кое-гдѣ виднѣлись бѣлыя пятна снѣга. Камни мостовой были покрыты тонкой пленкой льда и блестѣли точно стеклянные. Ноги скользили и разъѣзжались, и, если бы не желѣзные гвозди, которыми снабжали зимою обувь эрбосцы, Викъ, прежде чѣмъ добраться до школы, нѣсколько разъ «пересчиталъ» бы камни мостовой, какъ выражались въ такихъ случаяхъ воспитанники г. Аннуса.

Викъ не сразу пошелъ въ школу. Онъ сдѣлалъ небольшой крюкъ — ему хотѣлось взглянуть на море, и мальчикъ прошелъ на молъ.

Вѣтеръ налеталъ порывами, и трудно было держаться на молу. вмѣстѣ съ вѣтромъ изъ туманной мрачной бездны моря неслись хмурые сѣдые волны. Онѣ вздымались мутными свинцовыми глыбами и съ ревомъ кидались на молъ, точно хотѣли смытьobeliskъ и броситься дальше — въ тихій чистенькій городокъ.

На берегу не было ни души. Викъ постоялъ немного и побрелъ въ школу.

Такъ какъ прогулка отняла у Вика нѣсколько времени, онъ засталъ свой классъ на мѣстахъ. Появленіе героя, вставшаго со смертнаго одра, естественно вызвало переполохъ. Хотя Тилли Кар-

стенъ и Микко Валто, навѣщавшіе друга, успѣли уже оповѣстить сотоварищей о выздоровленіи Вика, но отъ этого встрѣча нисколько не проиграла въ горячности и живости.

Поднялся шумъ, гамъ. Мальчики вскочили съ мѣстъ и сбились въ кучу возлѣ Вика. Всѣ говорили и кричали. Даже дѣвочки, проявившія полное равнодушіе къ жизни своихъ шумныхъ сосѣдей, на этотъ разъ обнаружили живой интересъ къ событію, и десятки паръ голубыхъ, карихъ и черныхъ глазокъ съ любопытствомъ уставились на Вика. Кивки головы, перешоптываніе и даже легкій смѣшокъ, прорывавшійся вдругъ, служили доказательствомъ вниманія со стороны женскаго населенія.

Болѣзнь еще оставила слѣды въ видѣ блѣдности и недостатка силъ, но это не помѣшало Виду окунуться въ крикливую ораву сотоварищей. Въ этой средѣ мальчикъ почувствовалъ себя; какъ рыба въ водѣ, и его звонкій голосъ выдѣлился среди хаоса кличей высокой альтовой нотой:

— Вотъ и я! Здравствуйте!

Вмѣсто шапокъ взлетѣли на воздухъ книги, распластавшись неуклюжими бабочками. Этимъ былъ выраженъ верхъ энтузіазма.

— Качать Вика! — скомандовалъ Тилли Карстенъ.

Мальчуганы ринулись къ виновнику страннаго торжества, но въ это мгновеніе въ классъ вошла длинная особа господина Аннуса, и шалуны замерли кто гдѣ стоялъ, точно злой колдунъ движеніемъ волшебной палочки превратилъ ихъ въ камни.

Глаза почтеннаго наставника сурово сверкнули. Они щупали оробѣвшую ораву, выискивая ви-

Взлетѣли въ воздухъ книги, распластавшись неуклюжими бабочками.

новниковъ безпорядка, и... нащупали смущенную фигурку Вика.

Брови учителя расправились. На секунду мягко и ласково блеснули стекла очковъ.

— А, Викъ Дуловъ... Добро пожаловать, Викъ, — почти радушно произнесъ Аннусъ. — Ты, надѣюсь, вполне здоровъ?

Атмосфера разрядилась. Это почувствовали школьники и тихо, какъ мыши, разбѣжались по мѣстамъ. Только Викъ стоялъ передъ учителемъ, и щеки его розовѣли отъ смущенія.

— Да, я здоровъ, господинъ Аннусъ, благодарю васъ, — отозвался онъ.

Учитель благосклонно кивнулъ головой.

— Очень хорошо, — сказалъ онъ и добавилъ сухо, видимо для того, чтобы сгладить впечатлѣнїе отъ допущенной имъ чрезмѣрной мягкости: — и потому ты не долженъ забывать, что виновниковъ безпорядка я строго наказываю. Ступай на мѣсто.

Викъ поклонился и сѣлъ за парту рядомъ съ Тилли, привѣтствовавшимъ его веселымъ подмигиваніемъ.

II.

Занятія ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, къ которымъ привыкъ мальчикъ до болѣзни, но онъ почувствовалъ, что классъ обогналъ его въ познаніяхъ. Это задѣло самолюбіе, и Викъ горячо взялся за уроки. Никогда еще господинъ Аннусъ не видалъ въ первомъ классѣ болѣе внимательнаго и старательнаго ученика, чѣмъ тотъ, какимъ оказался въ этотъ день Викъ Дуловъ. Очки учителя нѣсколько разъ за время урока одобрительно поблескивали въ сторону Вика, а длинный красный носъ кивалъ ему съ видомъ самаго ласковаго поощренія. Но больше ничѣмъ г. Аннусъ не выражалъ своего

одобрения: излишняя нѣжность не входила въ его воспитательную систему.

Викъ, несомнѣнно, до конца занятій продержался бы въ напряженіи вниманія и прилежанія, но Тилли Карстенъ неожиданно сбиль его съ этой позиціи, давъ толчокъ мыслямъ въ другую сторону. Во время урока ариѳметики, когда г. Аннусъ трудился, выписывая на доскѣ мѣломъ правила дѣленія дробей, Тилли наклонился къ уху товарища и шепнулъ значительно:

— Онъ снова появился, Викъ.

Викъ сразу понялъ, о комъ говорилъ Тилли. Кровь отхлынула у него отъ лица.

— Бенъ Гуннъ? — еле слышно шепнулъ онъ, повернувшись къ товарищу.

— Онъ самый, Викъ, только тише... Насъ могутъ услышать.

Вся прелесть занятій обезцвѣтилась и потеряла значеніе для Вика. Появленіе Бена Гунна для него имѣло болѣе глубокое значеніе, чѣмъ для Тилли. Оно сплеталось мракомъ тайны съ тетей Кларой и, черезъ нее, съ мирнымъ благополучіемъ жизни сѣраго домика. Викъ почувствовалъ сильное волненіе.

— Ты его видѣлъ? — спросилъ онъ.

— Да. Потомъ расскажу. Мнѣ кажется, у него есть дѣла на островѣ, иначе онъ бы не появился, Викъ... Ни за что бы не появился.

Викъ вздрогнулъ. Теперь не только сердцемъ, но и сознаніемъ онъ понялъ смыслъ дѣлъ убійцы Кедрика. Они роковымъ образомъ вращались воялѣ тети Клары. Викъ почувствовалъ ознобъ при мысли, что Бенъ Гуннъ можетъ явиться къ **нимъ**.

— Не посмѣть, — успокоилъ онъ себя вслухъ.

— Кто не посмѣетъ? — удивленно подхватилъ Тилли.

— Бенъ Гуннъ... показаться, — извернулся Викъ.

— Ну, онъ не изъ трусливыхъ. Повѣрь моему слову, Викъ, что этотъ человѣкъ ничего не боится...

Подозрительное движеніе Аннуса у доски оборвало бесѣду. Когда учитель обернулся, чтобы обнаружить шептуновъ, гробовое молчаніе царило въ классѣ. Молчаніе, нарушаемое, впрочемъ, скрипомъ шести дюжинъ грифелей объ аспидныя доски.

Классъ усердно занимался.

III

Викъ мужественно боролся съ собой, стараясь вернуть улетѣвшее вниманіе. Но это оказалось не по силамъ. Цифры и значки, которые аккуратно выписывалъ на доскѣ учитель, потеряли для мальчика истинное значеніе и странно переплелись съ мыслями о морякѣ-убійцѣ, снова появившемся на островѣ.

Это появленіе Вика какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ связывалъ со своей особой и теткой Кларой. Въ письменахъ Аннуса ему мерещились то мрачныя угрозы Бена Гунна теткѣ Кларѣ, то письма самой суровой тетки моряку, которыхъ онъ, Викъ, долженъ передавать возлѣ жуткаго Вѣдьмина дома въ глухомъ лѣсу.

Сухой голосъ учителя ронялъ увѣсистыя, законченныя фразы, долженствовавшія закрѣпить въ горячихъ головахъ аудиторіи таинства дѣленія дробей, но Виду въ нихъ чудился другой голосъ —

насмѣшливый самоувѣренный тонъ Бена Гунна, пронизывавшій его трепетомъ.

Оттого, что никакъ нельзя было поговорить съ Тилли, урокъ тянулся цѣлую вѣчность. Наконецъ Аннусъ кончилъ вычисленія, и въ то же время простучала за дверями деревяшка Юганна, — вѣрный признакъ освобожденія изъ тенетъ науки. Мигъ, — и надтреснутый колокольчикъ рѣзко, точно лая, возвѣстилъ о концѣ занятій. Викъ облегченно вздохнулъ.

Но и тутъ не сразу можно было приступить къ откровенной бесѣдѣ съ другомъ. Прежде чѣмъ разойтись, мальчуганы долго надоѣдали Вику выраженіемъ дружескихъ чувствъ. Особенно трудно было отдѣлаться отъ Микко. Тилли пустился на нѣкоторую уловку:

— Микко, намъ съ Викомъ нужно пройти къ пастору, онъ велѣлъ придти къ нему, какъ только Викъ поправится. Это касается Рождества, понимаешь?

Голубые глаза Микко выразили недовѣріе. Но Тилли говорилъ очень убѣдительно. Кромѣ того, и Викъ кивнулъ головой. Микко, хотя и не совсѣмъ повѣрилъ друзьямъ, но подчинился и ушелъ одинъ. Тилли и Викъ пошли обходной дорогой, мимо пасторскаго дома.

Когда они поравнялись съ садомъ пастора, гдѣ не было видно ни души, Карстенъ, оглянувшись по сторонамъ съ видомъ заговорщика, наконецъ заговорилъ:

— Объ этомъ лучше никому не знать, Викъ. Я бы и тебѣ не сказалъ но... тебѣ скажу, потому что ты умѣешь держать языкъ за зубами, а потомъ еще потому... ну, вотъ, помнишь письмо тогда? Ну, вотъ потому...

Бѣдняга Тилли смѣшался, чувствуя, что переступаетъ за порогъ той тайны, не вмѣшиваться въ которую когда-то далъ другу торжественную клятву. Викъ понялъ это и поспѣшилъ сгладить неловкость.

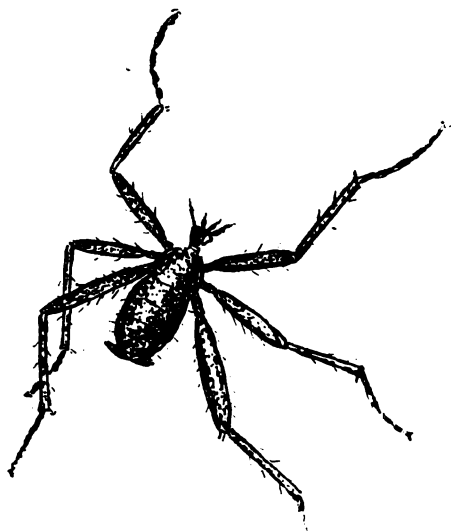
— Ну, да. Я самъ пригласилъ тебя тогда, Тилли, и ты знаешь объ этомъ. Разсказывай дальше.

— Третьяго дня, какъ разъ въ понедѣльникъ, отецъ послалъ меня къ Аренсу на ферму. А работникъ съ Густовой фермы какъ разъ ѣхалъ домой. Я и сѣлъ къ нему въ телѣгу — такъ и доѣхалъ до самой Густовой фермы. Отъ Густы же, чтобы пройти къ Аренсу, никакъ не минуешь Мышиной горы — другой дороги нѣтъ. Я и пошелъ. Иду, а изъ-за камня (знаешь, противъ дома вѣдьмы) вдругъ вышелъ Бенъ Гуннъ. Я думалъ, Викъ, это привидѣніе, ей-Богу, думалъ и хотѣлъ бѣжать... Душа у меня въ пятки ушла. А онъ остановилъ меня и крикнулъ: «Ты, паренекъ, смотри, не проболтайся, что видѣлъ меня.» И глаза у него были страшные, что просто ужасъ. Я поклялся, что никому ничего не скажу, и скорѣе убѣжалъ, а онъ смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, точно думалъ, не пуститься ли за мной въ погоню. Натерпѣлся я страху, Викъ, честное слово. Какъ ты думаешь, зачѣмъ онъ здѣсь? Какія у него тутъ дѣла?

— Не знаю, Тилли, — покачалъ головой Викъ, а на душѣ у него стало сумрачно и печально. — Не знаю. Только думаю, что у него нехорошее на умѣ. Ты никому не говорилъ о немъ Тилли?

— Что я глупецъ, что ли, или мнѣ жизнь не дорога? Нѣтъ, Викъ, такихъ людей выдавать опасно: они всегда находятъ случай раздѣлаться съ предателями. Нѣтъ ужъ, пусть кто хочетъ съ нимъ связывается, а только не я. И тебѣ не совѣтую, Викъ.

нѣсколько вытянуто, брюшко немного вздутое, ноги средней длины, усики направлены впередъ. У самца на спинѣ вмѣсто крыльевъ двѣ пары шиповидныхъ отростковъ, у самки же нѣтъ и слѣда крыльевъ, а брюшко вытянуто въ довольно длинный яйцекладъ. Замѣча-

Хіонія (увелич.)

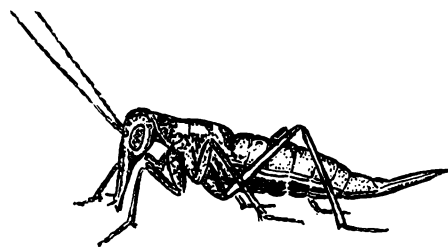
тельно строеніе головы этого насѣкомаго. Она вытянута внизъ такъ, что ротовое отверстіе отстоитъ очень далеко отъ глазъ и усиковъ. Такое же строеніе головы встрѣчается у скорпионовой мухи, принадлежащей къ тому же семейству.

Рѣже, хотя тоже не очень рѣдко, будетъ попадаться хіонія. Съ перваго взгляда вы примете ее за паука. Бурая, на длинныхъ ногахъ, она легко можетъ ввести въ заблужденіе наблюдателя, если онъ не подсчитаетъ, сколько у нея ногъ. Какъ извѣстно, ихъ у пау-

Борей самецъ (увелич.)

ковъ 4 пары, и 3 пары у насѣкомыхъ. Минимый паукъ оказывается насѣкомымъ, а если мы вдобавокъ разсмотримъ его черезъ лупу, или увеличительное стекло, мы увидимъ, что головы у него мушиная, вѣрнѣе комариная. И, дѣйстви-

Борей самка (увелич.)

тельно, хіонія относится къ долгоножкамъ. Крыльевъ у нея нѣтъ, но сохранились жужжальца, замѣняющія у всѣхъ мушиныхъ заднюю пару крыльевъ.

Какъ борей, такъ и хіонія появляются осенью и живутъ до весны, но ведутъ скрытный образъ жизни, пока нѣтъ снѣга; на снѣгу же они показываются совершенно открыто и пользуются каждымъ мягкимъ днемъ, чтобы совершать длительныя прогулки.

О. I.

Могутъ ли птицы считать?

Вопросъ о томъ, могутъ ли птицы считать, занималъ многихъ наблюдателей. Извѣстно утвержденіе охотниковъ, что ворона можетъ считать, но только до трехъ. Если въ шалашъ войдутъ четыре человѣка, а выйдутъ оттуда трое, то слѣдившія за людьми вороны считаютъ шалашъ пустымъ и безбоязненно слетаются къ нему.

Недавно нѣмецкій натуралистъ В. Мотеръ произвелъ опыты надъ способностью считать у куръ. У этого ученаго были двѣ насѣдки; у одной вывелось четыре цыпленка, а у второй семь. Когда цыплята немного подросли, насѣдка, у которой ихъ было семь, начала проявлять самыя непріязненныя чувства къ своему потомству. Она стала клевать

своих цыплят и отгонять отъ себя. Тогда обездоленные цыплята примкнули къ другой семьѣ и были приняты этой насѣдкой наравнѣ съ ея собственными дѣтьми. Но когда вечеромъ всѣ забирались въ курятникъ на ночовку, насѣдка пускала подѣ свои крылья только четырехъ цыплятъ; остальныхъ, также старавшихся забиться подѣ теплое крыло, она безжалостно прогоняла и сталкивала съ насѣста. При этомъ она не разбиралась въ томъ, свои ли цыплята у нея подѣ крыломъ, или чужіе. Она

не знала своихъ дѣтенышей, а руководствовалась только числомъ высиженныхъ ею цыплятъ, т. е. принимала ихъ по счету.

Чтобы провѣрить свое наблюдение, В. Мотеръ затемнялъ курятникъ такъ, что въ немъ царилъ абсолютная темнота. И что же случилось? Въ темнотѣ кура уже не могла считать и приняла подѣ крылья всѣхъ одиннадцать цыплятъ. Изъ этого опыта можно заключить, что куры обладаютъ способностью считать.

Перепелочка.

Одинъ изъ читателей нашего журнала спросилъ меня: «Что такое инстинктъ?» Вотъ какъ я отвѣтилъ ему.

Однажды у насъ въ деревнѣ, во время сѣнокоса, косарь нечаянно скосилъ голову перепелкѣ, сидѣвшей на своемъ гнѣздышкѣ. Мы, (это было давно), ребятишки, были какъ разъ тутъ и видѣли эту бѣдную птичку. Въ гнѣздѣ ея было 8 маленькихъ яичекъ. Мы забрали ихъ и подѣлили.

Намъ съ братомъ досталось по парѣ. Когда мы вернулись домой, намъ пришлось въ голову положить эти 4 яичка подѣ курицу-насѣдку. Цыплята еще у насъ не вылупились. Такъ и сдѣлали. И вотъ, къ радости нашей, черезъ 3 дня у насъ вылупились прелестныя перепелочки. Цыплята еще не вылупились, курица продолжала сидѣть на яйцахъ. Намъ пришлось самимъ заняться кормленіемъ птенчиковъ. Это было очень трудно, мы не умѣли этого, — и, къ сожалѣнію, птенчики гибли у насъ одинъ за другимъ. Наконецъ, остался только одинъ. Къ счастью, вылупились цыплята у курицы, и мы подбросили къ нимъ нашу перепелочку.

Курица въ вопросахъ кормленія птенцовъ оказалась много опытнѣе насъ, и кормленіе пошло успѣшно. Наша перепелочка росла и скоро стала прелестной птичкой.

Она была совсѣмъ ручная, узнавала насъ. Когда мы приходили кормить ее, — летѣла къ намъ навстрѣчу, взбиралась на плечи. Къ концу лѣта она хорошо летала; мы боялись, что она пропа-

детъ, и посадили ее въ большую клѣтку, гдѣ ей было хорошо. И все шло прекрасно. Каждый день кормили мы ее, она брала кормъ изъ рукъ, видимо чувствовала себя отлично.

Но вотъ однажды, уже осенью, мы пришли къ ней и застали ее въ необыкновенномъ состояніи. Она металась въ клѣткѣ, билась о проволочныя стѣнки головой, точно бѣсновалась. Что съ ней? Какъ разъ въ этотъ день вольные перепела собирались въ стаи и начинали свой отлетъ на югъ.

Какъ же могъ узнать нашъ птенчикъ, что наступила пора осенняго отлета? И что могъ онъ, сирота, выросшій среди цыплятъ и людей, знать о перелетѣ?

Дня три билась птичка въ клѣткѣ, потомъ успокоилась и прекрасно провела у насъ зиму. Но вотъ настала весна, и въ одинъ мгlistый, холодный день наша птичка опять стала биться и метаться въ своей клѣткѣ. Мы опять не сразу поняли, въ чемъ дѣло. Но черезъ два дня отецъ сказалъ намъ, что начался весенній прилетъ перепелокъ, что уже прилетѣли къ намъ эти милыя птички. Наша плѣнница очень сильно билась, ничего не ѣла, видимо она всѣмъ существомъ своимъ стремилась на волю, летѣть прочь, сама не зная куда и зачѣмъ. И намъ стало такъ жаль ее, что мы открыли клѣтку, и перепелочка вмгъ улетѣла.

Какъ же узнала она, что настала пора весенняго прилета? Кто сказалъ ей? — Никто, даже если бы птицы могли говорить между собой; но птичка

чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ потребность летѣть, когда наступаетъ пора перелетовъ. Вотъ эта способность дѣлать то, что надо для сохраненія жизни, способность въ нужное время производить нужныя дѣйствія, вовсе не зная

и не понимая отчего и зачѣмъ, не учась этому никогда и ни отъ кого, — вотъ такая врожденная и унаслѣдованная отъ предковъ способность и называется инстинктомъ.

Евгеній Елаичъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЗЕМЛИ.

(Окончаніе).

Исторія Земли записана въ ея корѣ. Мы уже говорили о томъ, какъ совершается запись этой исторіи при помощи воды. Теперь посмотримъ, какимъ образомъ записи эти становятся доступными людямъ.

Когда мы смотримъ на карту Земли, то первое, что бросается намъ въ глаза, это суша и вода. Суша занимаетъ около двухъ седьмыхъ всей земной поверхности и около пяти седьмыхъ занимаетъ вода.

Но не нужно думать, что взаимное положеніе воды и суши постоянно было такимъ, какъ мы видимъ на картѣ, или, что положеніе это не измѣнится въ будущемъ. И океаны, и материки не только мѣняють очертанія, но исчезаютъ и вновь появляются.

Разсматривая карту Земли, мы увидимъ, напримѣръ, что отъ Индіи черезъ Сіамскій и Малайскій полуостровъ тянется большая цѣпь острововъ до самой Австраліи.

Изучая эти острова и Австралію, ученые пришли къ убѣжденію, что всѣ эти острова — лишь наиболѣе возвышенныя части материка, погрузившагося въ воду.

Необъятная гладь Атлантическаго океана тоже скрыла когда-то подъ собою громадный материкъ, лежавшій между нынѣшними Америкой и Европой. Это — Атлантида, легенды о которой сохранились у разныхъ народовъ.

Погруженіе большихъ пространствъ суши совершалось какъ постепенно, такъ и катастрофически. Но въ обоихъ случаяхъ наблюдалось и перемѣщеніе воды. Океанъ, овладѣвая частью суши, освобождалъ въ другомъ мѣстѣ часть своего дна, выдвигавшагося новымъ материкомъ на поверхности земного шара.

Посмотрите на картинки на слѣдующихъ двухъ страницахъ. На нихъ изображено, какъ создавалась исторія Земли и вмѣстѣ съ этимъ постепенно поднималось морское дно.

Подниманіе дна обуславливалось здѣсь постепеннымъ засореніемъ частицами песку и глинной, уносимыхъ рѣками съ суши. Эта работа воды медленно, но вѣрно снижаетъ горы, почти цѣлкомъ унося ихъ въ море, и способствуетъ этимъ перемѣщенію морей.

Въ устьяхъ большихъ рѣкъ мы видимъ громадные наносы песка, образующаго мели. Мели эти увеличиваются съ каждымъ годомъ, заставляя море отступать отъ береговъ. Но отступая отъ одного берега, море овладѣваетъ другимъ. Такъ, напримѣръ, въ Латвіи мы наблюдаемъ постепенное увеличеніе суши за счетъ моря, а въ Англіи, наоборотъ, море разрушаетъ восточный берегъ ея и постепенно овладѣваетъ сушей.

Засореніе дна океановъ — очень медленный путь въ перемѣщеніяхъ суши и воды. Помимо этого пути Земля обладаетъ и другими силами, дѣйствующими на измѣненіе вида земной поверхности значительно быстрее.

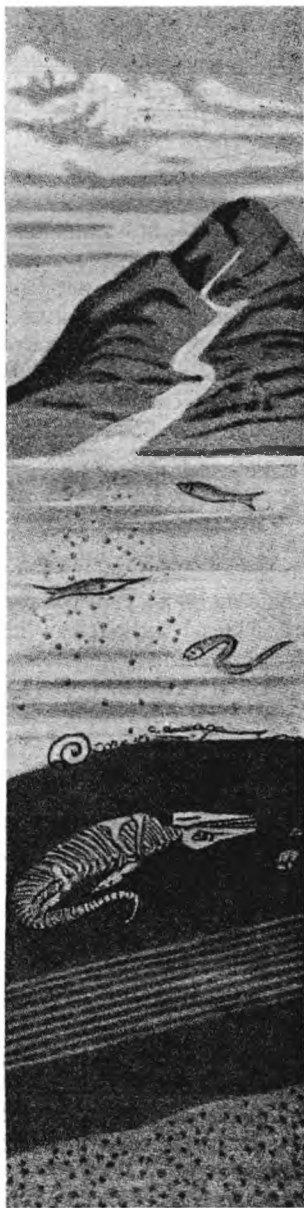
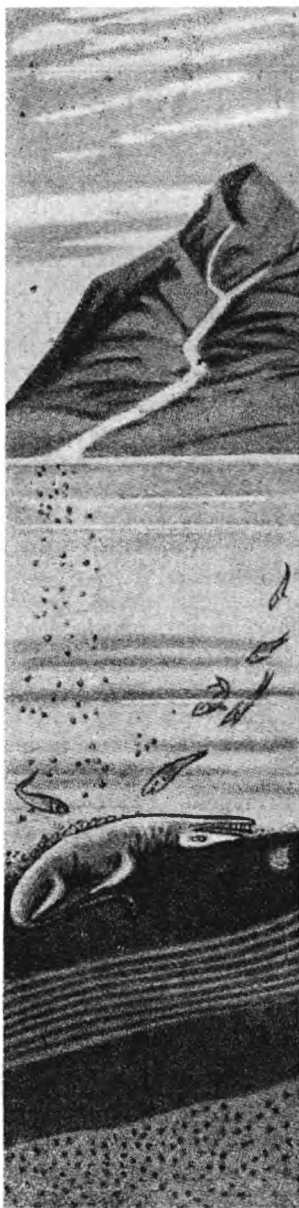
Наружная оболочка земного шара представляетъ собою только тонкую кору, вѣроятно, не толще 50—70 верстъ. Подъ этой корой находится раскаленное ядро Земли, которое, охлаждаясь, постепенно сжимается и вызываетъ коробленія коры, благодаря которымъ материки становятся днищами океановъ, и дно океановъ превращается въ материки.

Эти перемѣщенія воды и суши дали геологамъ возможность проникнуть въ исторію Земли на многія тысячелѣтія.

Если бы поверхность Земли была неизмѣнной, мы не имѣли бы доступа къ

тѣмъ слоямъ земной коры, которые рассказываютъ намъ теперь чудесныя исторіи о прошломъ нашей планеты — они пребывали бы на днѣ океановъ, недоступномъ самымъ искуснымъ водолазамъ.

Благодаря постояннымъ перемѣщеніямъ воды и суши, каждая пядь земли, доступная нашимъ изслѣдованіямъ, когда-то находилась подъ водой и, значитъ, служила частью страницы той исторіи

Исторія земли отпечатана въ земной корѣ, и люди въ состояніи возстановить картину того, что происходило на землѣ много миллионѣвъ лѣтъ тому назадъ. Небольшая рѣчка стекала съ вершины горы, унося съ собой камни и песокъ, которые опускались на морское дно. Въ морѣ плавало огромное и удивительное животное, называемое

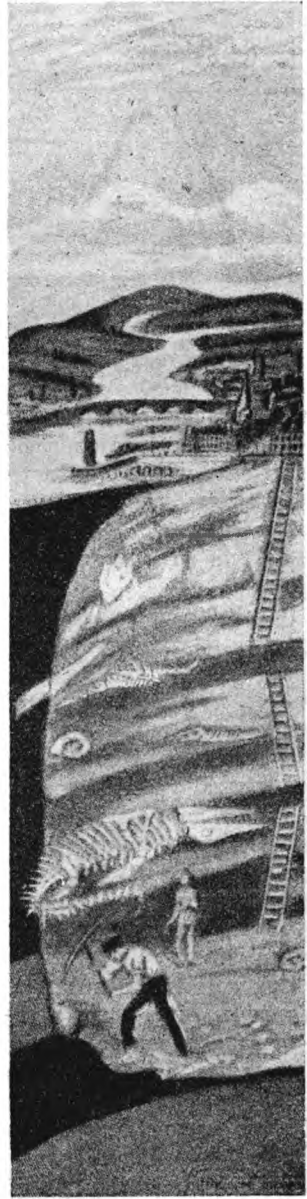
ихтиозавръ — пресмыкающееся, жившее нѣкогда въ морѣ, у него была огромная голова съ крѣпкими челюстями и зубами, и четыре конечности, похожія на весла, благодаря которымъ онъ могъ плавать. Это огромное животное погнѣбло, и тѣло его упало на морское дно среди ракушекъ и ила. Камни и песокъ, приносимые рѣчкой, продолжали также падать на морское дно.

Годы шли. Дожди, орошавшіе горы, разрыхлили почву и образовали сотни мелкихъ ручьевъ. Всѣ они впадали въ рѣчку и разрушали самую гору. Чѣмъ больше становилась рѣчка, тѣмъ больше земли и камней уносила она съ собой. Въ концѣ концовъ, тѣло пресмыкающагося было погребено подъ толстымъ слоемъ наносной земли.

изъ жизни Земли, которую записываетъ въ корѣ земной вода.

Роя шахты и колодцы, мы можемъ проникать вглубь земной коры, извлекая на свѣтъ Божій остатки бывшихъ диковни-

ныхъ животныхъ и растений и по нимъ, какъ по іероглифамъ, читать прошлое, отстоящее отъ нашего времени иногда на миллионы лѣтъ.

Все выше и выше поднималось морское дно, по мѣрѣ того, какъ выростали на немъ слои наносной земли. Однажды отломался клыкъ у слона, подошедшаго къ рѣкѣ вапиться, и, унесенный течениемъ, попалъ на дно моря. Въ другой разъ утонула птица и также очутилась на днѣ морскомъ. Мертвые рыбы и раковины—всѣ онѣ были погребены на днѣ моря, среди того же ила и камней.

Въ теченіе всѣхъ этихъ вѣковъ дожди и непогоды разрушали горы. Много тысячъ лѣтъ послѣ того, какъ погибъ ихтиозавръ, появились на землѣ люди; однажды человекъ, смастерившій себѣ лодку изъ полого дупла дерева, отправился на рыбную ловлю. Онъ пытался убить рыбу остриемъ своего копья, но оно отломалось, упало на дно моря и тоже было погребено подъ слоемъ наносной земли.

Дно моря поднималось все выше и выше, пока, наконецъ, оно не превратилось въ сушу. Со временемъ люди стали производить раскопки въ землѣ, и тогда открылась вся удивительная исторія, о которой мы только что рассказали. Сперва было найдено острѣе копья, затѣмъ клыкъ слона, скелетъ птицы, рыбы, а подъ конецъ скелетъ огромнаго пресмыкающагося; всѣ эти ископаемые были въ окаменѣломъ состояніи.

Позитивный процессъ.

Свѣточувствительная бумага съ бромистымъ серебромъ даетъ изображеніе только съ проявленіемъ. На этомъ сортѣ бумаги я остановлюсь подробнѣе, такъ какъ работа на ней даетъ лучшіе результаты, чѣмъ на такъ называемыхъ хлоро-бromo-серебряныхъ бумагахъ, при печатаніи на которыхъ изображеніе видно.

Печатаніе производится или непосредственно подъ негативомъ въ копировальной рамкѣ, или станкѣ, или посредствомъ проэкціи (увеличенія) при помощи увеличительнаго аппарата.

Чувствительность бумаги почти равна пластинкѣ, а поэтому и время освѣщенія значительно сокращается. Копированіе на дневномъ свѣту требуетъ долей секунды, при искусственномъ же свѣтѣ, (электрическомъ, газовомъ, керосиновомъ) экспозиція бумаги считается секундами.

При прямомъ печатаніи, т. е. подъ негативомъ, при искусственномъ свѣтѣ освѣщенію подвергается эта бумага отъ 1 секунды и больше (при установкѣ источника свѣта отъ рамки на 1 аршинъ). Что же касается экспозиціи при увеличеніяхъ, то она зависитъ отъ величины изображенія, свѣтосилы объектива и силы источника свѣта и продолжается отъ 5 секундъ до нѣсколькихъ минутъ.

Проявляется бумага почти такъ же, какъ и пластинка. Передъ проявленіемъ экспонированная бумага размачивается въ водѣ для того, чтобы проявитель на нее дѣйствовалъ равномерно. Сливъ воду, наливаютъ проявитель и проявляютъ изображеніе до желаемой силы. Изъ проявителей пригодны почти

все проявители для пластинокъ, но болѣе распространеннымъ является метоло-гидрохиноновый, приготовленный по слѣдующему рецепту:

Воды — 500 куб. сантим.
Гидрохинону — 7 граммовъ
Метолу — 3 грамма
Сульфиту — 60 граммовъ
Соде крист. — 40 граммовъ.

Для употребленія 1 часть проявителя разбавляютъ водой въ 3 или 4 раза. Послѣ проявленія отпечатокъ промывается водой, подкисленной уксусной кислотой, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ и переносится въ фиксажъ, приготовляемый по слѣдующему рецепту:

Воды — 800 куб. сантим.
Гипосульфита — 180 граммовъ
Бисульфиту — 6 граммовъ.

Въ фиксажѣ отпечатки выдерживаются 10—15 минутъ. Отфиксированный отпечатокъ промывается водой.

Отпечатки послѣ фиксированія содержатъ остатокъ фиксажа, какъ въ толщѣ свѣточувствительнаго слоя, такъ и въ толщѣ бумаги, а потому отмывка солей серебра и натра изъ бумаги должна быть болѣе тщательной, чѣмъ изъ негативовъ, такъ какъ соли эти, входя въ реакцію съ изображеніемъ рисунка, образуютъ съ теченіемъ времени сѣристое соединеніе, перекрашивающее рисунокъ въ грязно-желтыя пятна. Промывка отпечатковъ на всѣхъ бумагахъ, — какъ дневныхъ съ видимымъ изображеніемъ при копированіи, такъ и бумагахъ съ проявленіемъ, — должна продолжаться не менѣе 2 часовъ, съ перемѣной воды не меньше десяти разъ.

Промывка отпечатковъ въ проточной водѣ даетъ худшіе результаты. Правильность экспозиціи и проявленія на бромосеребряной бумагѣ опредѣляется тѣмъ же путемъ, который былъ указанъ въ негативномъ процессѣ.

Этимъ мы заканчиваемъ наше руководство къ фотографин. Конечно, наши очерки дали только первоначальныя свѣдѣнія, обладая которыми каждый изъ

читателей. можетъ приступить къ занятіямъ фотографіей.

Техника свѣтописи обладаетъ очень интересными и сложными отдѣлами, къ которымъ можно подойти совершенствуясь въ фотографин. Имъ мы будемъ время отъ времени посвящать въ журналѣ отдѣльныя статьи, руководствуясь желаніями читателей, выраженными въ поступающихъ въ редакцію запросахъ.

И. Борисъ.

Выставка и конкурсъ фото-картинъ и дѣтскихъ рисунковъ.

Устроенная «Юнымъ Читателемъ» конкурсная выставка работъ фотографовъ-любителей и дѣтскихъ рисунковъ протекаетъ съ большимъ успѣхомъ.

Наши фотографы-любители прислали дѣйствительно много интереснаго матеріала, который при увеличеніи и технической отдѣлкѣ далъ 160 картинъ самаго разнообразнаго содержанія.

Трудно дать въ печати подробный обзоръ этой выставки — картины нужно видѣть, чтобы получить о нихъ яркое представленіе. Наши рижскіе читатели, конечно, не нуждаются въ описаніяхъ выставки, но съ тѣми, кто находится вдали отъ Риги, мы должны подѣлиться хотя бы краткимъ очеркомъ.

На выставкѣ фигурируютъ работы 28 участниковъ (160 работъ). Всѣхъ работъ на фотографическій конкурсъ было прислано 879 и, конечно, выставить всѣ не представлялось возможнымъ. На выставку попали только работы, заслуживающія особаго вниманія.

По технике исполненія (работа г. Бориса) фото-картины крайне разнообразны. Есть обыкновенныя увеличенія, есть фото-картины, напоминающія старинныя гравюры, есть, наконецъ, цвѣтныя (бромомасляная печать) — ихъ трудно отличить отъ художественной пастели и акварели.

Фотографу-любителю выставка даетъ представленіе о послѣднихъ достиженіяхъ свѣтописи. Фотографъ, стремящійся къ художественной свѣтописи, находитъ на ней богатый матеріалъ для пополненія своихъ познаній.

Каждая отдѣльная фото-картина — не бездушный простой снимокъ. Она даетъ настроеніе, затрагиваетъ воображе-

ніе и говоритъ душѣ. Вотъ, напримѣръ, «Закатъ» Л. Флорова. Исполненный бромомаслянымъ способомъ, онъ воспроизводитъ подлинныя краски вечера, когда солнце сѣло за горизонтомъ, и тѣни мрака залегли межъ деревьевъ. Красивъ и нѣженъ, и глубоко по настроенію другой закатъ — «Закатъ на Двинѣ» Ив. Осипова, (тоже броммасло). Глядя на эту картину, забываешь, что она исполнена свѣтописцемъ, а не художникомъ кисти.

А вотъ прекрасная серія А. Рындина «Псково-Печерскій монастырь». Это уже старинныя гравюры. Свѣтописецъ-художникъ воспроизвелъ древнюю обитель способомъ, напоминающимъ работу старыхъ офортисовъ. Это какъ нельзя лучше гармонируетъ съ древними стѣнами монастыря и создаетъ соответствующее настроеніе: холодомъ прошлыхъ вѣковъ вѣетъ съ картинъ.

Дальше много снимковъ Италіи. На нихъ свѣтописецъ ухитрился передать и яркое солнце, и знойный воздухъ страны апельсинновъ, лавровъ и миртъ. Много на выставкѣ снимковъ, сдѣланныхъ въ Латвіи, Эстоніи и Литвѣ. Природа и бытъ Прибалтійскихъ странъ особенно хорошо выражены живыми, прекрасными снимками Андрюши Фе, Ник. Меньшикова, Вл. Сверковского, Вал. Ясенаса и др.

Отдѣлъ выставки, посвященный дѣтскимъ рисункамъ, тоже богатъ и разнообразенъ. Тутъ выставлено свыше 200 рисунковъ, исполненныхъ дѣтьми отъ 2-лѣтняго и до 14-лѣтняго возраста.

Описать эти рисунки невозможно, но среди нихъ выдѣляются оригинальные по замыслу и исполненію работы Ати

Эгле (6 л.), Надежды Бойко (10 л.), Лолы Вендтъ (10 л.), Л. Казака (13 л.) и другихъ.

4 ноября состоялось засѣданіе конкурснаго жюри, распредѣлившаго преміи за рисунки и фотографіи.

Жюри состояло изъ русскихъ художниковъ: акад. Богданова-Бѣльскаго, акад. Виноградова, худ. Высотскаго, фотографовъ-художниковъ В. К. Ридзнека и Е. А. Ауза и представителя критики бар. И. С. фонъ-Нолькенъ. Присутствовали отъ редакціи «Юный Читатель»:

За снимки видовъ природы — Ник. Меньшикову (Латвія) III премію.

За снимки видовъ природы — Вл. Сверковскому (Латвія) IV премію.

За этногр. снимки А. П. (Швейцарія) V премію.

За наибольшее количество работъ — Стѣтину (Италія) VI премію.

По отдѣлу дѣтскихъ рисунковъ:

Атѣ Эгле (6 л.) — I премія.

Надеждѣ Бойко (10 л.) — II премія.

Лолѣ Вендтъ (10 л.) — III премія.

Л. Казака (13 л.) — IV премія.

Сидятъ: Л. Кормчій, акад. С. Виноградовъ, акад. Н. Богдановъ-Бѣльскій, худ. К. Высотскій, фот. Е. Ауза. Стоять: худ. Г. Дайберъ, Э. Ганзенъ, фот. І. Борисъ, бар. И. фонъ-Нолькенъ, фот. В. Ридзнекъ.

редакторъ Л. Кормчій, секр. Э. Ганзенъ и худ. Г. Дайберъ.

Жюри, ознакомившись съ работами фотографовъ-любителей, присудило преміи.

По отдѣлу фотографіи:

За снимки животныхъ — Андрею Фе (Латвія) I премію.

За снимки памятниковъ старины — А. Рындицу (Эстонія) II премію.

Айнгѣ Лебедевой (7 л.) — V премія.

Пощирительныя преміи присуждены:

Ларисѣ Степановой (2 г. 8 мѣс.), Уллѣ Эсмундѣ (4 г.), Янинѣ Ломайнъ (6 л.) и Лилии Кепуль (11 л.).

Преміи будутъ высланы авторамъ послѣ закрытія выставки.

Въ виду особаго интереса, проявленнаго къ выставкѣ, редакція рѣшила продлить ее на одну недѣлю. Выставка закроется 21 ноября.

8-ая русская стая волчатъ въ Ригѣ.

Прошло лѣто; осыпались листья; тоненькой ниткой высоко въ поднебесьи потянулись перелетныя птицы съ сѣвера на яркій солнечный югъ... Въ пустынныхъ обнаженныхъ лѣсахъ слышенъ вой волка. Холодный вѣтеръ, злобно рвущій послѣдніе блеклые листья съ вѣтокъ, далеко разноситъ въ ночной тѣмѣ призывъ стараго волка, — и откликаются на него молодые, собираются въ

до поразсказать другъ другу, особенно тѣмъ, кто прожилъ пять дней на высокихъ дюнахъ у моря, среди шумящихъ сосенъ, — въ волчатскомъ лагерѣ.

Сколько воспоминаній о комарахъ, кусающихся, какъ собаки, о пересоленномъ супѣ, о подгорѣлой, но мгновенно съѣденной кашѣ, о вкусномъ чаѣ, похожемъ на чернила, и о самомъ неприятномъ — кружкѣ холодной воды, заливаемой въ

Восьмая стая волчатъ съ начальникомъ г. Францманомъ во главѣ.

стан, чтобы совмѣстно бороться съ невзгодами холодной и голодной зимы...

Услыхали и русскіе волчата Риги призывъ стараго волка.. Послѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ снова собралась вмѣстѣ дружная стая русскихъ волчатъ. Но не только всѣ прежніе волчата откликнулись на призывъ: много новыхъ робѣющихъ фигуръ видно среди стаи. Собрались волчата, и столько новаго, интереснаго на-

рукавъ за лѣнь, или иной проступокъ!

Сколько волшебныхъ воспоминаній о яркомъ, горячемъ солнцѣ, синемъ морѣ и золотистомъ пескѣ, на которомъ такъ хорошо было валяться и играть! О темныхъ лѣтнихъ ночахъ, проведенныхъ въ лѣсу, о веселомъ кострѣ, возлѣ котораго было такъ уютно среди лѣсной темноты!

Сколько воспоминаній о разсказахъ,

Самый маленькій волчонокъ дѣлаетъ донесеніе начальнику.

шуткахъ и смѣхѣ, о громкихъ, бодрыхъ пѣсняхъ, несущихся далеко въ синемъ сумракѣ лѣтняго вечера! Сколько вос-

поминаній! Ихъ такъ много и такъ хочется пережить снова лагерную жизнь, что волчата рѣшили устроить вечеръ воспоминаній о немъ. За чайнымъ столомъ у себя въ штабѣ въ теплой и освѣщенной комнатѣ волчата вспомеяютъ въ дружной бесѣдѣ всю лагерную жизнь. Зазвѣняютъ лагерныя пѣсни, и раздвинутся давящія стѣны комнаты, и станутъ на ихъ мѣсто золотистые стволы сосенъ; исчезнетъ надоедливый осенній дождикъ, стучащій въ окна; брызнутъ горячіе лучи солнца, озаряя синее море и высокую дюну, гдѣ подъ старыми соснами трепещетъ бѣлое знамя, и между двухъ маленькихъ палатокъ возятся полуголые, черные отъ загара волчата. Долгія осень и зима стоятъ передъ волчатами, но не боятся ихъ волчата: въ дружной стаѣ легче перенести всѣ маленькія невзгоды и огорченія, что несетъ съ собою жизнь, а тамъ снова лѣто и лагерь и свободная жизнь въ зеленомъ лѣсу!

Левъ Францманъ.

Платье скаутмастера.

Изъ разсказовъ у костра.

Слѣды вели къ дюнамъ, и не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что это вѣрные слѣды.

Слава Богу, Ивѣ не повичокъ, чтобы не умѣть различить солидной подошвы скаутмастера, повидавшей виды на своемъ вѣку, отъ подошвы случайнаго прохожаго, къ тому же столь рѣдкаго въ этой глухой мѣстности, какъ рыба въ лѣсу.

И недаромъ же во время привала Ивѣ расположился напротивъ скаутмастера и, лежа на животѣ, хитро присматривался къ добродушно раскинутымъ подошвамъ начальника. Онъ вѣдь зналъ заранее, что послѣ отдыха начнется большая игра «Слѣдопытъ».

Ивѣ порывлся въ карманѣ, извлечь оттуда сантиметръ и тщательно измѣрилъ слѣды.

— Гм... Длина немного того... великовата... да и ширина... Но это пустяки, если принять во вниманіе расплзавшіяся песчаной почвы...

Нѣтъ, ужъ во всякомъ случаѣ не этимъ можно обезкуражить такого опытнаго слѣдопытца, какъ Ивѣ.

Только что шелъ дождь, и отсырѣвшій

верхній слой песка запечатлѣлъ съ фотографической точностью всѣ изъязы поношенной подметки. Вотъ и стертый кружокъ на правомъ сапогѣ ближе къ мизинцу, и стоптанный каблукъ на лѣвомъ. Только бы не опоздать, не дать опередить себя другимъ слѣдопытцамъ! Ивѣ бросился впередъ и сталъ карабкаться на высокій крутой холмъ.

Взобравшись наверхъ, осмотрѣлся.

Внизу разстилалась ровная свинцовая гладь притихшаго залива. На пляжѣ ни души, на соседнихъ холмахъ тоже. Отъ подошвы холма къ морю тянется дорожка, протоптанная босыми ногами. Слѣды возвращаются, топчутся на мѣстѣ, отходятъ вправо и лѣво и вновь возвращаются.

Ивѣ читаетъ по нимъ, какъ по раскрытой книгѣ.

— Ага! Онъ здѣсь сидѣлъ, вотъ приятное мѣсто, раздѣлся и пошелъ купаться. Вернулся, искалъ чего-то и ушелъ. Но куда ушелъ? Ясно, что поднялся на тотъ же холмъ.

На нескѣ больше слѣдовъ не видно... Вотъ развѣ эти слѣды... Но они топчутся только на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ раз-

дѣвался. и возвращаются къ дюнамъ. Странно! Здѣсь побывалъ еще кто-то... Неужели Ива успѣли опередить?

Взглядъ скаута, внимательно скользившій вокругъ, уловилъ вдругъ что-то черное, какъ бы въ испугѣ шарахнувшееся въ сторону и сейчасъ же нырнувшее въ кусты.

— Вотъ онъ! — торжествующе прошепталъ скаутъ и, мигомъ скатившись съ песчаного склона, побѣжалъ по берегу вдоль холмовъ, чтобы не тратить драгоценнаго времени.

Онъ бѣжалъ не теряя изъ виду замѣченнаго кустарника и бормоча себѣ подъ носъ отрывистыя замѣчанія.

— Вышелъ безъ плаща... Теперь въ плащѣ... Хи, хи... Не проведешь!

Однако, лихорадочно обыскавъ кустарникъ, онъ не нашелъ тамъ ничего, кромѣ свѣжихъ слѣдовъ, да еще такой, не идущей къ дѣлу, детали, какъ пара чьихъ-то стоптанныхъ домашнихъ туфель. Но слѣды были, а это самое важное. Слѣдовъ онъ не потерялъ. И хищно раздувая ноздри, какъ бы вынюхивая лакомую добычу, неутомимый скаутъ бросился въ погоню.

Слѣды исчезли, утонувъ въ густомъ слоѣ хвойнаго наста. Ива осторожно крался, переползая отъ дерева къ дереву. Такъ онъ подползъ къ ямѣ, заглянулъ въ нее и мигомъ вскочилъ на ноги, весь трепеща отъ горделиваго возбужденія.

— Ура! Нашелъ! — заоралъ Ива всю глотку и, сорвавъ хорошо знакомый черный плащъ съ металлической пряжкой въ видѣ скаутской эмблемы, только что собрался исполнить танецъ дикихъ, какъ вдругъ такъ и застылъ на мѣстѣ съ разинутымъ ртомъ, выкативъ отъ ужаса глаза.

Изъ ямы глянула на него страшная оскаленная голова съ горящими пенавистью, блуждающими глазами...

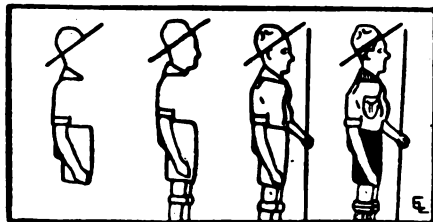
«Сумасшедшій», подумалъ скаутъ и бросился бѣжать, судорожно сжимая въ рукѣ скаутмастерскій плащъ.

И въ тотъ же мигъ услышалъ за собою тяжелый прыжокъ и крикъ, вѣрнѣе ревъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго.

Ива летѣлъ, не чувствуя подъ собой земли, обвѣваемый все время холодомъ настигающей сзади смерти...

На другой день въ газетахъ появилась слѣдующая замѣтка: «Изъ больницы для душевнобольныхъ бѣжалъ Ивановъ, страдающій маніей преслѣдованія. Очутившійся въ 30 верстахъ отъ города и вообразившій внезапно, что черный цвѣтъ сдѣлаетъ его невидимымъ, Ивановъ похитилъ плащъ и сапоги купавшагося въ морѣ начальника скаутскаго отряда. Шедшій по слѣдамъ скаутмастера скаутъ подвергся нападенію сумасшедшаго. Однако, сбѣжавшимся на крикъ товарища, скаутамъ удалось связать несчастнаго и отправить въ участокъ для водворенія въ больницу.»

Е. Приселковъ.

Какъ рисуется изображеніе скаута.

Бургомистръ -самый
старый изъ лилипу-
товъ-70 лѣтъ.

Вамъ, конечно, приходилось встрѣчать маленькихъ людей ростомъ не больше семилѣтнихъ дѣтей, но годами совершенно взрослыхъ. Но если вы не бывали въ Берлинѣ, то и не знаете о томъ, что существуетъ цѣлый игрушечный городокъ, заселенный такими людьми - крошками, Ихъ называютъ лилипутами.

Лилипуты - европейцы, съ которыми мы встрѣчаемся чаще всего на цирковыхъ аренахъ или театральныхъ подмосткахъ, — случайная игра природы. Родители ихъ совершенно нормальные люди, и у многихъ лилипутовъ имѣются братья и сестры, ничѣмъ не отличающіеся отъ всѣхъ насъ. И городокъ лилипутовъ, о которомъ я хочу рассказать — не что иное, какъ одна изъ диковинокъ знаменитаго берлинскаго увеселительнаго сада „Луна-Паркъ“.

Тѣмъ не менѣе, это цѣлый городъ. Въ немъ живетъ много людей-крошекъ. Тамъ

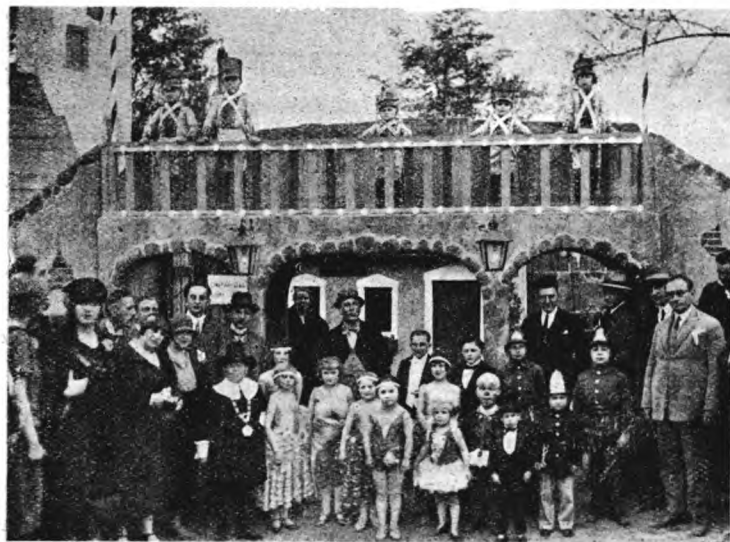

Въ городкѣ имѣется ратуша, вѣдающая
жизнью города.

имѣются дома, рестораны, гостиницы, магазины, театры, циркъ и все, что можно найти въ обыкновенномъ городѣ. Только размеры всего этого приспособлены къ росту и потребностямъ лилипутовъ.

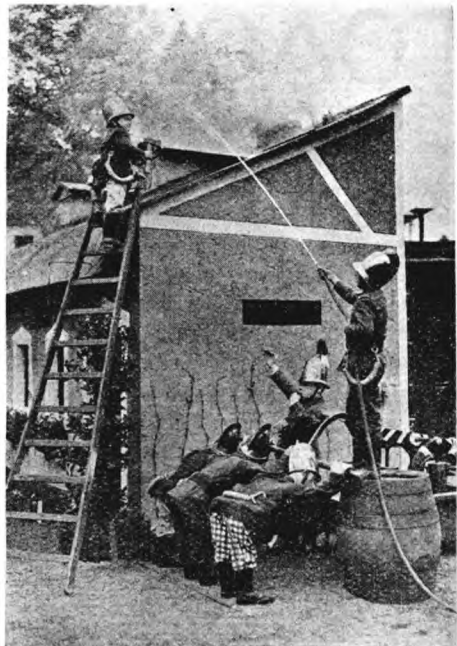
Въ городѣ имѣется и своя стража—часовые, которыхъ вы видите на снимкѣ на городской стѣнѣ, — и своя пожарная команда. На фотографіи изображена эта пожарная команда въ работѣ.

Правитъ городомъ бургомистръ. Онъ одѣвается такъ, какъ одѣвались нѣмецкіе бургомистры въ старину, и носить на груди знакъ своего достоинства — цѣль бургомистровъ. Это самый ста-

Населеніе городка всегда любезно встрѣчаетъ гостей...

ЛИЛИПУТОВЪ.

Пожарная дружина не щадитъ себя въ борьбѣ съ пожарами.

рый изъ обитателей города, ему 70 лѣтъ, хотя ростомъ онъ меньше десятилѣтняго мальчика.

Конечно, городокъ лилипутовъ посѣщается множествомъ любопытныхъ. Особеннымъ вниманіемъ публики пользуется циркъ, гдѣ выступаютъ лилипуты клоуны, акробаты, танцовщики и даже наѣзники.

Циркъ этотъ въ полномъ составѣ гоститъ сейчасъ въ Ригѣ и даетъ представленіе въ циркѣ Саламонскаго. Вся труппа этого крошечнаго цирка состоитъ изъ 16 чело-вѣкъ: 15 людей-кро-

шекъ и съ ними великанъ-человѣкъ громаднаго роста.

Маленькіе артисты въ ловкости, проворствѣ и въ головомныхъ трюкахъ ничѣмъ не уступаютъ обыкновеннымъ цирковымъ артистамъ. Только вся ихъ „работа“ интереснѣе, граціознѣе и легче. Особенно красивъ балетъ лилипутовъ: точно феи и эльфы волшебныхъ сказокъ танцуютъ на аренѣ.

Выше мы сказали, что эти лилипуты — просто обойденные природой люди, но въ нѣкоторыхъ странахъ существуютъ особые „породы“, если можно такъ выразиться, людей-карликовъ. Въ Африкѣ въ дикихъ лѣсахъ Судана обитаетъ многочисленное племя негровъ „акка“, ростъ которыхъ не превышаетъ 1 $\frac{1}{4}$ аршина. Въ лѣсахъ Бразиліи тоже обитаетъ племя такихъ же крошечныхъ индѣйцевъ-лилипутовъ, о жизни которыхъ расскажемъ въ другой разъ.

Въ городкѣ иногда бываютъ свадьбы.

Самый крошечный изъ лилипутовъ — принцъ Смайсъ

На лыжах съ парусомъ.

Этотъ видъ спорта у насъ въ Латвіи почти не распространенъ. Имъ увлекаются норвежцы и шведы, которые пользуются парусомъ не только какъ спосо-

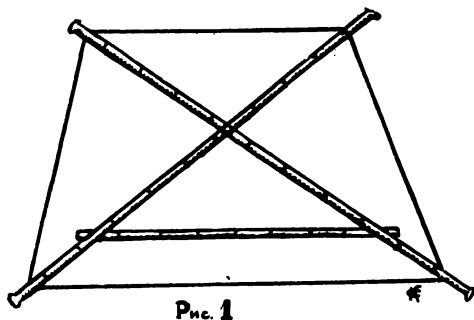

Рис. 1

бомъ передвижения по снѣжнымъ равнинамъ, но даже устраиваютъ состязанія въ умѣніи обращаться съ парусомъ.

Лыжные паруса раздѣляются на нѣсколько типовъ.

Самый простой парусъ — финскій (рис. 1), но онъ не совсемъ удобенъ. Съ нимъ можно идти только подъ прямымъ вѣтромъ, а лавировать можно лишь при вѣтрѣ не слабѣе 5—6 балловъ.

Стоять подъ такимъ парусомъ при полномъ захватѣ вѣтра почти невозможно: вѣтеръ, напирая на площадь паруса, валитъ лыжника.

Съ парусомъ ходятъ на телемаркскихъ лыжахъ съ пяточными ремнями. Лыжи должны быть безъ всякихъ рѣзовъ, которые больше тормозятъ, чѣмъ приносятъ пользы.

Болѣе распространенный типъ паруса — норвежскій (рис. 2). Онъ имѣетъ площадь въ 16 кв. арш. и составляется изъ двухъ большихъ и одной малой бамбуковыхъ реекъ.

Парусъ натягивается слѣдующимъ образомъ: все полотнище разстилается на снѣгу, кладется самая длинная рей-

ка, и находящіяся на ея концахъ крючки (а) зацѣпляются за петли у полотнища. Затѣмъ берутъ малую рейку и просовываютъ ее въ рубецъ, то-есть въ специально простроченное отверстіе между полотнищами.

Эта рейка (б) помѣщается въ узкомъ концѣ паруса. Затѣмъ прилагивается рейка средней величины; концы ея (а) имѣютъ крючки, которыми парусъ закрѣпляется втугую.

Веревка (д) или правильнѣе, «шкотъ», прикрѣпленный къ концамъ рейки (б), является снастью, при помощи которой лыжникъ избѣгаетъ запрокидыванія паруса: когда вѣтеръ, захватывая верхнюю часть парусности, наклоняетъ ее черезъ голову лыжника, тогда надо тянуть шкотъ вверхъ.

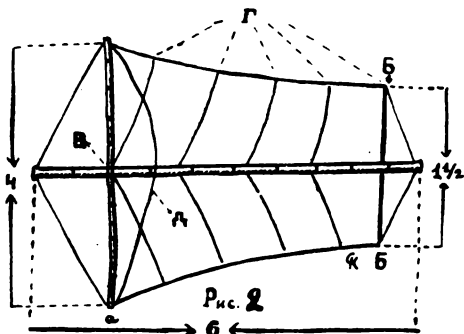

Рис. 2

Двѣ большія рейки связываются туго ремнемъ (в).

Во все время хода парусъ надо держать на плечѣ (на правомъ или лѣвомъ, смотря, какимъ «галсомъ» приходится идти) около скрѣпления реекъ, обозначеннаго угломъ в.

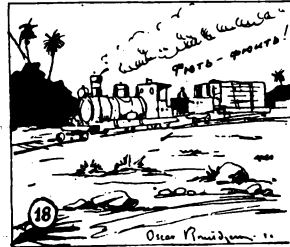
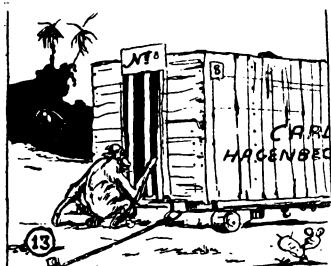
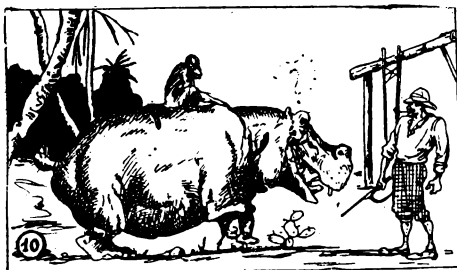
Вѣсъ норвежскаго паруса около 12 ф. Годится онъ для любого роста. Размеры отдѣльных частей его обозначены на рисункѣ.

К—въ.

Ю М О Р Ъ.

Война въ джунгляхъ.

II.

10. Бегемоту и шимпанзе повезло. Они сразу встрѣтили бѣлаго человѣка, который обѣщалъ дать имъ хорошій совѣтъ, какъ побѣдить негровъ. Дѣти джунглей не заподозрѣли въ этомъ злого умысла.

11. Прошу, ваше превосходительство, пожаловать въ мой кабинетъ, — сказалъ бѣлый человѣкъ. — Я немедленно сообщу вамъ все интересующія васъ свѣдѣнія. — Бѣдный Юппо довѣрчиво пошелъ прямо въ клѣтку.

12. Бѣлый человѣкъ былъ поставщикомъ дикихъ звѣрей для зоологическаго сада. Онъ очень обрадовался, когда рѣдкая добыча сама пошла къ нему въ руки. Не каждый день бегемотъ самъ лѣзетъ въ клѣтку!

13. Бѣдняга Юппо услышалъ вдругъ,

какъ съ грохотомъ закрылась дверь темницы. Горестныя вопли вѣрнаго Мунко только усиливали его страданія.

14. И вотъ Юппо пришелъ къ печальному выводу, что люди одинаково фальшивы — и черные, и бѣлые... Бѣлые, пожалуй, даже хуже — снаружи не видно, какаѣ черная у нихъ душа.

15. Мунко пытался расковырять дверной засовъ, но пришелъ сторожъ-негръ и жестоко поколотилъ бѣднаго секретаря.

16. Жалобно воя отъ боли, шимпанзе отправился назадъ въ джунгли, чтобы сообщить объ ужасной судьбѣ своего друга.

17. Звѣри повѣсили носы и послали Мунко къ профессору Марабу, который пользовался славой мудрейшаго обита-

теля джунглей. Но и мудрый Марабу не могъ помочь горю.

18. А тѣмъ временемъ поѣздъ узкоколейной африканской желѣзной дороги

уносилъ нашего бегемота къ мѣсту погрузки на пароходъ, съ которымъ Юппо должны были увезти въ Европу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОНКУРСЪ ЗАДАЧЪ.

Рѣшеніе задачъ.

Задача М. А—ой, Рига.

(Помѣщ. въ № 18 журнала.)

Арава, Гвалт, Алтай, Тайфун, Уника, Икар, Арсенал, Налим, Лимфа, Факир, Кирка, Калуга, Гаршин, Шинель, Нельсон, Сонет, Нетто, Тора, Разве, Ведро, Дроги, Гитара.

Правильно рѣшили эту трудную задачу наши подписчики: Б. Истоминъ (Рига), Г. Ютте (Митава).

Задача № 35.

Изъ данныхъ четырехъ словъ — Город, Ландо, Лом, Тазик — путемъ перестановки буквъ составляется поговорка: мал золотник, да дорог.

Правильныя рѣшенія прислали: Д. Бѣлвскій (Злинъ, Чехія), И. Волкова (Дравоградъ, Словенія), О. Зиновьева (Ковно), М. Матіевичъ (Константинополь), А. Рындинъ (Ревель), Б. Секундо (Рига), Г. Ютте (Митава).

Задача № 36.

Магическій квадратъ.

Числа надо перемѣстить слѣдующимъ образомъ:

130	200	150
180	160	140
170	120	190

и тогда сумма въ каждомъ ряду по вѣсѣмъ направленіямъ будетъ равна 480. (Есть и другія рѣшенія.)

Рѣшили задачу: Д. Киссинъ, С. Креммертъ (Рига), В. Мухинъ (Рѣжица), С. Трускановъ, П. Федосеевъ (Рига), Л. Фрейдо (Двинскъ), Г. Хашъ, А. Худобкинъ (Рига), Анат. Шмидтъ (Лемзаль).

Объ задачи правильно рѣшили:

К. Бейнаръ, А. Никаноровъ (Рига), А. Павфиловъ (Ревель), Карлъ Роведеръ (Рига), Игорь Чернецкій (Рѣжица).

Задача № 37.

На спичкахъ.

Положить на столъ 8 спичекъ слѣдующимъ образомъ. □ □ чтобы онѣ образовали два квадрата. Переложить четыре спички такъ, чтобы образовалось три квадрата. Какъ это сдѣлать?

Задача № 38.

Слова на циферблатѣ.

Замѣните на циферблатѣ часовъ цифры такими буквами, чтобы изъ нихъ составились слова, означающія: 1—4 герой Дюма; 2—5 рѣчь; 4—7 мебель; 5—8 губ. городъ; 7—11 экипажъ; 10—1 теплая одежда.

Между нашими читателями, приславшими рѣшенія обѣихъ задачъ до 7 декабря, будутъ распределены 10 премій.

Издатель: А/О Печ. Дѣла „Саламандра“.

Редакторъ: Л. Кормчій.
Отв. редакторъ: Е. Н. Андрусова.

Ю Р К А.

Готовится къ печати и скоро
выйдетъ четвертымъ изданіемъ
повѣсть для юношества
Л. КОРМЧАГО.

Приключенія бездомнаго мальчика.

Конкурсная выставка

фото - картинъ и дѣтскихъ рисунковъ

въ салонѣ В. Романовскаго, ул. Вальдемара № 17.

продолжена до 21 ноября

Плата за входъ 1 латъ; учащіеся и дѣти платятъ половину;

при групповомъ посѣщеніи плата — 20 сант. съ человѣка.

Школьники!

Ранцы, сумки, ученичesk. портфели, туфли для балета и спорта вы покупаете въ магазинѣ изящн. кожан. издѣлій

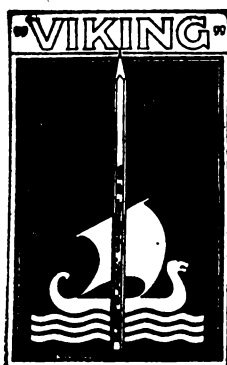
А. РАТФЕЛЬДЕРЪ,

(бывш. ПАРТУМЪ)

Основ. въ 1885 г.

Известковая улица (Kaļķu ielā) № 23, телефонъ 81-45

ШКОЛЬНИКИ

рисуйте и пишите

ТОЛЬКО

карандашами **VIKING**

Продаются во всѣхъ большихъ
:: писчебумажныхъ магазинахъ ::

Большое тебѣ, Павлинѣ, спасибо, что
ты кормишь насъ прекрасной :: :: ::

Халвой и семитаками

фабрики

„ВОСТОКЪ“

Ф. Ф. Кутузова

Рига, Струговая 2. Телефонъ 97078

КОНЕЧНО, есть
и до сихъ поръ
народы, которые
все еще пишутъ
остриемъ стараго
копья по кости
буйвола.

ОДНАКО цивили-
зованныя націи
предпочитають
писать карандашами
EVERSHARP
вѣчными перьями
WAHL PEN

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО:

ежедневно на весь
мѣръ продается
50,000 Eversharp
и 8,000 Wahl Pen

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.) Заграницей: 15 амер. центовъ, въ Америкѣ,
Азіи, Африкѣ, и Австраліи — 20 амер. центовъ.